

Александра Зайцева

Я, не я, Жанна

Серия
Встречное
движение

< © Зайцева А., текст, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021 >

* * *

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Жанна – мама подростка и популярный блогер. А Полина – тот самый подросток. Не трудный, самый обычный, и быть основной темой маминого блога не входит в ее планы. Донести эту мысль до Жанны, между ее занятиями йогой и приступами благотворительности, непросто. Полина заводит собственную страничку. Теперь в красном углу ринга – «Бегущая вдаль», в синем – «Стоящая на краю». Это война?

Александра Зайцева – автор книг для подростков, лауреат литературной премии имени В. П. Крапивина, дважды финалист конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру». Повесть «Я, не я, Жанна» вошла в короткий список конкурса 2021 года.

Если бы я встретила его... да, это он играл главную роль в том фильме, это он поёт ту песню, из-за которой мне трудно дышать, это он смотрит с каждого второго постера... так вот, если бы я встретила его, то сказала бы: «Ты полюбишь меня, когда узнаешь. Клянусь. На вид я унылая посредственность, но именно ты отыщешь во мне нечто особенное. Только смотри внимательно, пожалуйста, дай мне шанс!»

Вот так.

Но в тесте с вопросом «Что бы вы сказали вашему кумиру?» я выбрала самый короткий и скучный ответ: «Вы лучше всех!» – а в жизни наверняка бы молчала и пялилась. Или: «О-о-о, э-э-э, это вы, ах!» Или самое гнусное: «Можно автограф?» Кому вообще нужны эти автографы и для чего? Закорючка на бумажке, вроде «отвяжись».

Глупо.

Я вышла в меню сайта и открыла другой тест. «Кто вы из героинь известных книг». Наверняка в итоге обзовут Анной Карениной или Ассоль, в лучшем случае ведьмой из «Короля Лира», а варианта с попаданками не будет. Знаю, уже проходила. Но я хочу стать именно попаданкой. Выпрыгнуть из своей хомячьей коробки туда, где уж точно буду особенной. Где приключения, магия, всё такое. А Жанна говорит, что каждый человек изначально уникальный, тем более я, – просто надо раскрыться миру.

Ну да, ну да. Звучит неплохо, но как-то слишком неконкретно. Вроде мотивирующей надписи на картинке с красоткой на фоне заката: «Полюби себя и покоришь всех» или «Вселенная слышит тебя, доверься ей!» Редкостная фигня. Но не для Жанны. Она привыкла сыпать всякими лозунгами, потому что постоянно торчит в интернете и раздаёт добро. Правда, с ней можно поговорить и нормально, без пустых красивостей, если повод серьёзный. Только прямо сейчас нельзя.

Сейчас из комнаты Жанны доносится дикий грохот, который она называет музыкой. На мой вкус, это визг электродрели, отбойный молоток, падающие метеориты, топот лошадей всадников Апокалипсиса, рёв пьяных матросов и хохот гиен во тьме. Музыка, ага. На < полную громкость, потому что Жанна занимается йогой для физиче- > ского и морального здоровья. Если бы я и захотела, переорать этот бедлам невозможно. А если бы переорала, Жанна следит за дыханием и отвечать не станет. Это её очередное увлечение – йога. Она говорит: «Я выгорела, просто не человек, а пепелище, надо подлатать энергетическое тело». И ещё: «Почти сорок, физическое тело тоже в беде».

Но как по мне, это большое преувеличение – выглядит Жанна получше многих. Когда мы где-нибудь в людном месте, внимание обращают на неё, а не на меня. Она вся такая маленькая, подтянутая, подвижная, её улыбки вроде хлопушек – бах! – сыплются конфетти и блёстки. И уж сорок ей даже с натяжкой не дашь, даже тридцать пять. А я неприлично рослая и медленная рядом с Жанной. Мишка косолапый по лесу идёт.

«Просто ты ко всему относишься ответственно, основательно, без суеты, – говорит она. – Задумчивый надёжный человек не обязательно скучный». Оптимистка.

Интересно, она правда выгорела со своим интернетным добром или уже вовсю раскручивает новый проект? Интересно.

Жанна в Сети – «Бегущая вдаль». Это ещё со времён её блогерства на тему путешествий, вполне успешного, кстати. К волонтерству тоже подошло, а сейчас...

Как приручить подростка?!

Все люди в глубине души считают себя исключительными. Это не эгоизм и не тщеславие, просто мы пропускаем абсолютно < всё через собственные органы чувств и познавать реальность > иначе не приспособлены. Да, где-то у сердца мы носим свою бесценную значимость, словно котёнка во внутреннем кармане куртки. У подростков же это не котёнок, а злющая бестия с острыми когтями. Она ранит, она рвётся на волю, она требует поклонения. Моей дочери шестнадцать, тот самый возраст, и я знаю ситуацию очень хорошо. И знаю, что мы, родители, способны приручить бестий наших взрослеющих детей. Например, моя дочь...

Дочь – это я.

Родитель – это Жанна.

И если бы не йога, через которую невозможно пробиться, я бы попыталась придушить её прямо сейчас. Но вместо кровопролития сидела и читала. Читала и чувствовала себя раздетой, избитой, вы-

вернутой наизнанку. Она рассказала о моей любви к фанфикам и женскому фэнтези, да так, что я оказалась полной дурой, которая придумала себе кучу комплексов и ударилась в нитьё.

И, конечно, набежали комментаторы. Комментаторши.

Одна тётка написала, что детишек нужно пороть старым добрым ремнём, но сначала отобрать гаджеты. Я зарегистрировалась как «Тыжемасть» и назвала её тупой коровой. Ясное дело, под своим именем такое не напишешь. И злилась я не на тётку, а на Жанну. Но подумала: а почему бы и нет, что они мне сделают?

Ещё я написала какой-то Колибри, что сама она неблагодарная свинья, раз считает, что сын должен её обожать за стирку и суп. А потом высказалась на тему размышлений Жанны: она предательница, выставляет своего ребёнка на всеобщее обозрение, за человека не считает, корчит из себя мудрую, но в действительности подличает ради дешёвой популярности.

И так я разошлась, что всё-таки вломила к ней и выключила музыку. Вот только что явно простуженный мужик визжал и рычал под грохот Третьей мировой войны, и – бац – тишина. Безмолвие. Даже воздух стал прозрачнее.

Жанна будто не заметила. Она лежала на старом туристическом коврике посреди комнаты, в лифчике и пижамных шортах, ноги за головой, глаза закрыты, дыхание громкое и глубокое. Нарочно такое дыхание, типа очень полезное. Выглядело это не слишком привлекательно, кожа на её тощем животе собралась в складки, лицо покраснело, и пахла она потом, но всё равно казалась мне очень красивой. Только я пришла не любоваться.

– Видела твою новую статью в блоге, – сказала я очень-очень спокойно, но словно жирно подчёркивая красным каждое слово. Папина фирменная интонация.

Она даже глаза не открыла.

Вдох.

– Хорошо.

Выдох.

– Ничего хорошего. Что это такое?

Вдох.

– Асана. Плуг.

Выдох.

– Я про статью.

Жанна осторожно вывела прямые ноги из-за головы и опустила на пол. Теперь она просто лежала на спине, глядя в потолок. Я подошла и вытянулась рядом. И подумала, что мы похожи на двух детей в траве под летним небом. Только вместо солнца – пыльный плафон на три лампочки, но один патрон давно испортился. Рядом – пятнышко от прихлопнутой мухи или комара. Чуть дальше слегка покачивается на сквозняке тонкая паутинка, поблёскивает как седой волос. У Жанны полно седых волос, она их закрашивает и становится коричнево-рыжей. «Каштанка – помесь дворняги с таксой», – смеётся она.

– Слушай, как считаешь, мы с тобой друзья? – кажется, Жанна спросила не меня, а останки потолочной мухи.

– Не знаю.

– Жаль. Такие вещи нужно знать.

– Мам, – я не называю её Жанной в лицо, только мысленно, причём всегда голосом Русика. Потому что он здорово это произносит: «Жа-анна», чуть растягивая первую «а». Если раз услышишь, уже не отвяжется. – Мы друзья. Но в этой твоей статье – нет. В ней ты – главная, а я – пустое место.

– Ничего подобного.

– Ты изобразила меня безмозглой малолеткой.

– Да брось!

Вот этого я не ожидала. Настроилась на уговоры или хотя бы спор с аргументами, а она просто отмахнулась. Возмущение подбросило меня вверх, поставило на ноги и понесло к двери. Я была уверена, что Жанна окликнет, чтобы объяснить, но, когда обернулась, она уже приподнялась на лопатках, выгнулась мостиком и снова задышала.

– Я тебе там написала своё мнение. Надеюсь, поймёшь, – многозначительно выдала я.

Вдох.

– Угу.

Выдох.

Она меня заблокировала! Без разговоров взяла за шиворот и выкинула из обсуждения! И написала новую статью – о подростковом троллинге. Мол, аморальное поведение деток в Сети – ещё один способ почувствовать свою значимость и попытка примерить разные социальные роли. А когда я опять толкнулась в её комнату, дверь оказалась запертой.

– Я на галерах! – крикнула Жанна.

Это значит, работает. Сочиняет отзывы на товары и услуги, рекламные агитки, статистику, гороскопы, душещипательные жизненные истории для журналов средней паршивости или обзоры для киношных сайтов. Она всё может, говорит, главное – иметь под рукой словарь синонимов и побольше наглости.

Ну да, чайник горячий, на обеденном столе открытая банка из-под кофе, рядом грязная десертная ложка. Жанна всегда делает крепкий кофе и забирает чашку в комнату, к ноутбуку. Обычно это папина чашка. Вообще, они одинаковые – её и папина, – большие керамические монстры, только у него синяя, а у неё оранжевая. Она берёт синюю. Сидит сгорбившись несколько часов и не пьёт, забывает, а потом без сожалений выплёскивает остывшую бурду в мойку. Раньше одного раза хватало, теперь она может торчать за работой весь день и заваривать кофе снова и снова. «У меня интернет-зависимость», – говорит Жанна. Поэтому же не покупает смартфон и пользуется раздолбанным доисторическим телефоном. Чтобы не

было искушения нырнуть в Сеть вне дома. Например, в поездках.

Раньше мы много путешествовали. И обязательно влипали в мелкие неприятности. Жанне ведь недосуг просто позагорать на пляже, ей надо забраться в глушь, найти там дичь, пощекотать нервы. Поэтому её тревел-блог народу нравился – тысячи подписчиков, бурные обсуждения. А потом что-то произошло, но я так и не поняла, что именно.

К тому моменту папа уже отчалил во Владивосток по своим автомобильным делам. Чем конкретно он занимается, мне не объясняли, а я никогда особо не расспрашивала. Машинами. Папа работает, этого достаточно. У пап ведь так и должно быть: с утра обливаются одеколоном и уходят, возвращаются поздно, поругиваясь, что при-
< парковаться негде, устало укладываются перед телевизором и начи- > нают переключать каналы каждые пять секунд. Ну, ещё с ними можно пересечься на кухне ночью, когда у пап бессонница. Посидеть рядом, заглядывая в сканворд и прихлёбывая чай. Пухлые сборники сканвордов лежат стопкой на подоконнике, но прикасаться к ним запрещено, только папы могут вписывать мелкие буквы чернильной ручкой. «Архитектурный полукруг», – говорят папы. «Арка», – отвечают дочери. Такой разговор. Хороший, по делу. А если не спрашивают, помолчать тоже неплохо. Папы – вроде больших деревьев: сидишь в тени, прислонившись спиной к стволу, и ничего другого не надо.

Но папа уехал. И мы тоже. Без него, с Русиком, который не очень-то хотел. Русик вообще тяжёлый на подъём, вечно отмазывается учёбой. Но Жанна говорит, что нам просто необходим защитник, типа мы пропадём без длинного нескладного буратино, у которого

постоянно такой вид, будто он попал под дождь и страшно из-за этого расстроился. Но лучше защитник Руся, чем никакого, с этим не поспоришь.

В общем, мы погрузились в серебристую малолитражку Жанны и рванули на Кавказ, искать в горах какой-то совершенно космический дольмен.

– Не поверите, насколько это мощная штука! Прямая связь с вселенским разумом! Энергетический колодец. Или портал. Или чёрт его знает, но предельно мистическое место. Дольменов в мире немного, и большинство – здесь, на Кавказе. Учёные толком не знают, откуда они и для чего, но ясно, что древние, как г... бивни мамонта. Наверное, в них хоронили жрецов, или приносили человеческие жертвы, или запирали ими силы зла. Короче, энергетика сумасшедшая! – Жанна немного задыхалась, продираясь через густые папоротники.

Мы с Русиком плелись следом и даже не пытались делать вид, что слушаем. Сначала лес радовал: к середине весны он уже позеленел, закрыл небо плотными кронами и наполнился таинственным влажным сумраком. Но лезть вверх по крутому склону слишком утомительно. А Жанна как истинный герой пёрла напролом, по мшистым камням, через завалы сухих веток и колючие кусты, то и дело натываясь на липкую паутину. При этом ухитрялась восхищаться птичьим пением, чистейшим воздухом, грибочками-цветочками-речечкой-водопадиком.

Через пару часов Русик заподозрил, что мы заблудились, и предложил вернуться в посёлок. Жанна назвала его слабаком. При-

шлошь топать дальше и выше. Потом разнылась я. Бесполезно. И когда мы были готовы окончательно взбунтоваться, чтобы больше ни шагу вперёд, Жанна вывела нас к дольмену.

Дольмен – это такой дом. Четыре стены из здоровенных каменных блоков, сверху плоская плита вроде крыши, и круглое отверстие с одной стороны. Не понять – окно или лаз. Совсем круглое, будто вырезанное по циркулю. Стоял дольмен на пригорке, а вокруг – редкие берёзы – белые, тонкие и очень высокие. Берёзы-анорексички, у которых сил даже на нормальную листву не хватило, а только на жухлые мелкие ошмётки.

Сами каменные блоки дольмена были неровными, немного бугристыми, заросшими лишайниками и пухлым, как губка, тёмно-зелёным мхом. Я побродила вокруг, пощупала. Прислушалась к древней каменюке, потом к себе, стараясь пробудить шестое чувство, но нет, ничего. Скучно. А Русик и подходить не стал – уселся на траву и заявил, что натёр ноги.

– Его надо попросить, – сказала Жанна и кивнула в сторону дольмена.

– Накормить и спать уложить, – пробормотала я, усаживаясь рядом с Русей.

– Лучше меня накормите. – Руся похлопал ладонью по рюкзаку, чтобы я приземлилась на него, а не на холодную землю. – Последнее печенье ещё утром догрызли.

– Шашлыка бы сейчас, – вспомнила я придорожное кафе с мангалом.

– Или хотя бы котлет.

- И картошку-пюре.
- И салат.
- Помолчите, – попросила Жанна.

Мы послушно затихли. И я подумала, что всю дорогу птицы просто надрывались в лесу, а сейчас их нет. Нереальная тишина. И лёгкий болотистый душок, сырой и немного плесневый.

Жанна подошла к дольмену, раскинула руки, прижалась к шероховатой стене всем телом. Распласталась и застыла. Хотя дольмен был повыше Русика (а у него метр восемьдесят роста), не сказать, что такой уж громадный. Но Жанна казалась потерянной на фоне каменной плиты. Хрупкой. Уязвимой, вот. Мне стало за неё страшно, не знаю почему, но захотелось поскорее уйти. Беда! – поняла я. <Только что за беда, случилась она или на подходе? А может, просто> место здесь атмосферное, в самый раз для ужастика?

- Русь? – шепнула я.
- Тс-с-с. Жанна. Просит, наверное.

Я хотела сказать, что у неё и так всё есть, но покорно закрыла рот. Ладно, потерплю, раз припёрлись.

Ждали мы минут десять, потом Жанна отлепилась от камня и не глядя на нас пошла назад. Мы рванули следом, почти скатываясь по склону, оскальзываясь на прошлогодних листьях и глинистых тропках. Не разговаривали, спешили, словно кто-то подталкивал в спину. Уверена, смутное чувство тревоги накатило не только на меня – на Жанну и Русика тоже. Потому что, когда за деревьями показались шиферные крыши маленького посёлка, все мы вздохнули от облегчения и радостно переглянулись.

Не знаю, как обстояли дела с просьбой Жанны, а мы с Русиком получили сполна и сразу.

Кафе так и называлось: «Кафе». То есть именно это было написано на картонке, которая косо болталась на заборе у серого одноэтажного дома.

– Нет, – сказала Жанна, – найдём что-нибудь попрличнее.

– Да! – не согласились я и Русик. Вот теперь уступать мы не собирались, на два голоса расписывая, какие мучения пережили ради её дурацкого дольмена. И Жанна сдалась.

Металлическая дверь открывалась тяжело, будто её держала тугая пружина. Но Русик справился, мы шагнули в дом и невольно остановились на пороге. Великолепие кафе ошеломляло. Небольшая комната на четыре массивных деревянных стола была забита хламом под самый потолок, да и с потолка свисали пёстрые гирлянды искусственных цветов, разноцветные буддийские флажки, китайские колокольчики и зелёные знамёна с полумесяцами. В свете пары тусклых лампочек на стенах поблёскивали расшитые золотом коврики с арабской вязью, иконы, картины с многорукими индийскими божествами, плакаты с иероглифами, распятия. В одном углу – статуя Будды, в другом – Дева Мария. Свечи, чаши, статуэтки, напольные вазы с охапками сухих колючек, а всё вместе – настоящий взрыв мозга. К тому же здесь одуряюще пахло палой листвой, молотым чёрным перцем и отварной картошкой.

Картошка булькала в кастрюльке, кастрюлька исходила паром на квадратной электрической плитке, а та стояла прямо на барной стойке. Смуглая толстая тётка задумчиво помешивала картошку, не

обращая на нас внимания. Я как зачарованная смотрела на перемигивание камней в её золотых перстнях – по две штуке на каждом пальце.

– Баян, – хмыкнул Русик.

– Что? – не поняла Жанна.

Он ткнул рукой в потрёпанный листок на стене и пояснил:

– Старая шутка, сто лет назад по интернету гуляла.

Я подошла ближе.

«Кафе „Карма“. Меню нет. Что заслужил, то и получишь», – общал листок.

– Зашибись.

Тётка вскинула чёрные глаза, колыхнула тремя подбородками и <отрывисто выдала: >

– Всё кончилось.

– А картошка? – удивилась я.

– Только она и есть. Пюре сделаю. И немножко котлеты остались.

– И салат? – недоверчиво выдохнул Русик.

Тётка смерила его долгим взглядом:

– И салат.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Жанна. – Давайте всё.

А потом, уже за столиком, когда мы расправились с котлетами, до меня дошло:

– Мам, ты что, без фотоаппарата?

– Без.

– А как же снимки? Ты ведь всегда делаешь снимки для блога.

Она чуть пожала плечами:

– Надоело.

– Серьёзно?

– Абсолютно... Хватит, больше никаких разъездов. Суета одна, а жизнь проходит.

Так закончились наши путешествия. Жанна прикрыла тревел-блог и занялась добром.

А теперь вот – «Как приручить подростка».

Я смахнула крошки со стола, убрала банку из-под кофе, сполоснула ложку. Поскреблась в комнату Жанны, словно были шансы, что откроет.

Ну и ладно! Пойду гулять, отключу телефон, и ломай голову, где <меня носит! Может, поумнеешь немного. А если нет, то плевать. Мы, >подростки, бессердечные и злые, только о себе думаем и плюёмся похлеще верблюдов.

Я натянула ботинки, пальто, красную шапку с придурочными треугольными ушами на макушке – и шваркнула дверью. Вот тебе!

Одна моя бывшая одноклассница панически боится спускаться в метро. Она даже сменила нашу гимназию на обычную школу возле дома, чтобы на занятия ходить пешком. И хоть мы не дружили – я вообще ни с кем особо не дружу – вспоминаю её часто. Из-за метро. Всякий раз, когда стою на платформе, специально на предупредительной линии, так и вижу эту девчонку. Вот она спокойно ждёт в толпе, вот толпа мягко напирает, но пока не опасно, вот кто-то вскрикнул, побежал, кто-то за ним, толпа заволновалась, сжалась, и – бац! – внезапный толчок в спину. Платформы высокие, а там, внизу, блестящие рельсы... я словно становлюсь той девчонкой и чувствую сначала пустоту вокруг и внутри, будто сознание вышибли из тела, потом жёсткий удар этим безвольным телом, но больше всего – ужас. Потому что упала и не могу двинуться, даже крикнуть. Потому что в лицо бьёт поток ледяного воздуха из тоннеля и нарастает, нарастает, нарастает гул электропоезда.

Девчонку успели вытащить. А меня успели бы?

Нет, я не собираюсь бросаться с платформы, это просто навязчивая фантазия. Анна Каренина – явно не про меня, хоть тысячу тестов пройди. Но воображать такое – как трогать языком трещинку на обветренной губе или обгрызать ноготь: если начала, уже не остановишься. Люди ведь редко примеряют на себя чужое счастье, гораздо охотнее – всякие ужасы.

И метро я не боюсь, оно мне нравится. Люблю метро. За сквоз-

няки, за музыкантов в переходах, за то, что всё течёт: звук, толпа, воздух. И я в этих потоках лёгкая и невидимая – крошечное белое тельце в кровеносной системе города.

Отдельное удовольствие – рассматривать людей на встречах эскалаторах. Там может оказаться он, удивительный человек, то есть парень. Потому что подземелье – самое подходящее место для невозможного. И если бы я встретила его, то сказала бы... стоп, это мы уже проходили.

На самом деле я прекрасно знаю, что не будет никаких эскалаторных встреч, но всё равно стою на ступеньке, затаив дыхание. А когда замечаю среди плывущих в другую сторону кого-то похожего на мечту, он смотрит в свой телефон или вверх толпы, но только не на меня. Иногда я словно сцепляюсь глазами с тоскливыми взглядами других ищущих, узнаю в них себя и быстро отворачиваюсь. Почему-то становится неловко.

Так бывало, но не сегодня.

Сегодня все люди казались настолько некрасивыми и тупыми, что провались они пропадом. Наверняка из-за Жанны. Ладно новый блог, который сам по себе портит настроение, так она ещё пнула меня как собачонку.

Хотя нет, собачонок Жанна жалеет. В ялтинском отеле, например, бегала по двору мелкая псина – репейная метёлка на коротких лапах, лохматая, грязная и невозможно уродливая. «Приблудилась, – пожаловалась администраторша. – Мы называем её Чмошка». Жанна подкармливала это собачье недоразумение, а потом решила забрать домой, в Москву. «Ты посмотри в глаза! В них же нече-

ловеческая святость!» Хорошо, что в день отъезда Чмошка куда-то свинтила, а то бы пришлось мучиться с ней в одной машине всю дорогу. И хорошо, что дома Жанне расхотелось иметь питомца, потому что она скинула бы его на ответственную меня. Но уважать собак Жанна не перестала.

Так что пнула она меня как... как... как никого больше.

Не знаю, можно ли всё это точнее объяснить, но я старалась, когда выбралась из метро, бездумно отмахала по центру километров пять под морозящим дождём и забрела в кофейню к Русику.

– О, Полина, – сказал он вместо приветствия. Будто нет ничего необычного в том, что я пришла. Пришла по темноте – а уже пару часов как стемнело, – мокрая, сердитая, без звонка. Я ведь не знаю <график его смен и не забираюсь так далеко от дома по вечерам. >

Русик выключил смартфон, сполз с высокого барного табурета и поплёлся за стойку:

– Что будешь?

Я потянула носом кофейно-коричный аромат и огляделась. Полумрак и безлюдье, только парочка в углу. Романтично лопают десерты под тихие постанывания джазовой певицы из стереосистемы. Скукота. Неужели ничего поинтереснее не могли придумать для свидания?

Русик гроыхнул чашками.

– Сделать ореховый раф?

– Давай.

Потом мы сидели рядом за стойкой. Я грела руки об высокий бокал и слизывала с его края молочную пенку, поглядывая на своё от-

ражение в зеркале. Вот чучело. Когда сняла шапку, волосы некрасиво вздыбились, но приглаживать лень. Русик снова нырнул в смартфон. Певицу сменили завывания саксофона, вполне приятные, просто от них стало ещё тоскливее.

– Русик, мне плохо.

– Бывает.

Треснуть его по башке, что ли? А толку? Он же непробиваемый.

Русик появился у нас три года назад, когда приехал поступать в универ из своей Мордовии. На время экзаменов его поселили в гостевую спальню, которая ещё не была комнатой Жанны. Тогда Жанна делила гостиную с папой, хоть и засиживалась ночами за работой, мешая его и без того чуткому сну. А Русик никому не мешал.

Жанна как-то сказала, что у него редчайший дар – не напрягать. >

Сказала, что даже о самых прекрасных гостях невозможно забыть, они каждую минуту ощущаются в доме, но только не Русик. Будто он всегда жил с нами.

Это правда, но я всё равно его изводила. Нарочно вваливалась в комнату без стука, ломилась в туалет или в ванную, стоило ему там закрыться, брала без спроса вещи или разбрасывала их, зная, что он помешан на порядке. Они с папой на пару бахнутые – всё по линейке, по цвету и размеру. И оба невозмутимые. Только папа невозмутимый как-то подавленно, а Русик – полный нейтрал. Поэтому я и бесилась. Кто-то мог подумать, что я его терпеть не могу, ревную и всё такое, но в действительности мне безумно хотелось вывести его из себя. Потому что все люди взрываются, если они не покойники. Не бывает по-другому!

Оказалось, бывает. Во всяком случае, я ничего не добила. Сколько ни куражилась, Руся лишь печально смотрел, как та Чмошка. Папа не вмешивался – с приездом Русика он не стал разговорчивее. Только Жанна иногда мягко укоряла: «Полегче, Полина». Она как-то сразу вышла на первый план и окружила Русю ненавязчивой заботой. «Называй меня просто по имени – Жанна», – сказала она.

«Жа-анна», – протянул Руся и кивнул. Понравилось.

А мне потом сказал: «Жанна классная, повезло тебе».

«А твоя мама?» – спросила я.

Руся замялся: «Она... обыкновенная, как все».

Но я представляла Русину мать монстром. Это ведь она не хотела, чтобы мы встречались, пока Русик не вырос и не приехал сам. И хотя папин сын никогда не был для меня секретом, он словно не существовал. Или находился не в Мордовии, а в затонувшей Атлантиде – потерянный и недоступный. Его мама – дракон, он – пленник в башне.

Руся спорил, говорил, что не надо демонизировать его маму. У неё свои причины. Понять можно всех, просто мы мало знаем, и никто не обязан выворачиваться перед нами наизнанку. «Жанна всё рассказывает! Потому что главное между людьми – доверие!» – не соглашалась я. Руся грустно кивал и повторял, что Жанна классная.

Но жить у нас не остался, хотел настоящего студенчества, без взрослых. Папа предложил снять квартиру, Руся попросился в общежитие. Ему реально там нравится, и подрабатывает в кофейне. Руся не от безденежья, а для души. Я бы и сама так работала, кофейня действительно душевная.

Нет, ну что это бесчувственное бревно столько времени разглядывает на экране?! Я допила кофе, оставила бокал и выхватила Русин смартфон.

– Полина!

– Что – Полина? Брат ты мне или кто?

– Допустим, брат.

– Вот и поговори со мной, брат!

– О чём?

– Мне плохо!

Русик потребовал смартфон назад, сунул его в карман, откинулся на спинку стула и ворчливо спросил:

– Тебе нужен диалог? Или уши?

– Уши.

– Ладно. Выкладывай.

Я рассеянно елозила донышком бокала по стойке и бубнила гадости про Жанну, понимая, что выглядит это, мягко говоря, недостойно: принцесска обиделась. Но я же права!

– ...Представь, если бы я о ней написала. Публично. Например, про то, как она торчит в туалете по два часа с романом Джейн Остин или как принципиально не брызгает освежителем воздуха. Ей бы понравилось? И главное, она не желает это обсуждать.

– Джейн Остин или освежитель?

– Блог свой кретинский! Мало того, что облила меня грязью при всех, ещё и гордится этим. И новые статейки кропает о моих неадекватных реакциях. Издевается. Знаешь, что она спросила, когда я возмутилась? Спросила: «Мы друзья?» Ну конечно, очень дружеский

поступок! Нет, я ничего не хочу сказать, она реально крутая и раньше понимала меня лучше всех, но вот сейчас что происходит? Разве можно любить человека, а потом ни с того ни с сего предать? Это просто... просто гадство! Понимаешь? Это несправедливо. Нечестно.

Я совсем раскисла. Шмыгнула носом, подняла взгляд от стойки, рассчитывая на поддержку, но Руся смотрел мне за спину и смущённо улыбался. Оборачиваться не пришлось, достаточно скосить глаза на зеркальную барную панель. Вот же зараза! На соседнем табурете сидела Жанна и внимательно слушала мои стенания, подперев щёку кулаком. Растрёпанная, ненакрашенная, в папиной старой ветровке. Папа у нас могучий, поэтому казалось, что Жанна выглядывает из <брезентовой палатки. >

– Жанна, – констатировал Русик. И сразу: – Сделать тебе капучино?

– Спасибо, Руслан, но уже поздно. Мы с Полиной домой поедem.

– Не хочу домой, – надулась я. – И вообще, как тебя сюда занесло?

– Ну...

Мне это «ну» не понравилось.

– Только не говори, что просто мимо проходила.

– Всё-таки сварю кофе, – засуетился Русик, и тут я поняла.

– Ты её позвал! Сдал меня!

– Поля, уймись, – вмешалась Жанна. – Я сама попросила сообщить, если появишься. Неужели трудно предупредить, куда идёшь? Или хотя бы телефон не отключать? Вроде взрослый человек, всё

понимаешь...

– Только не начинай!

Нет у меня больше сил доказывать очевидное. Устала. Будто целый день взбиралась на очередную горную достопримечательность для блога Жанны и вымоталась до заплетающейся походки, до онемения разума. Какие же они эгоисты, никому нельзя верить, к чёрту их.

Я медленно поднялась, натянула шапку, подхватила пальто с вешалки и молча поволокла себя к выходу. Шарк, шарк.

Дождь на улице перестал, но воздух словно пропитался водой. Сырость моментально просочилась за воротник, в рукава и ботинки. Тусклые лампы фонарей отражались в блестящем асфальте, ветер тащил по тротуару растерзанную упаковку от чипсов. Я придавила её ногой, упаковка смялась с громким треском. Надо отпустить, пусть летит в жаркие страны. И не трещит больше. Пусть будет тишина. Пока не хлопнет дверь и не застучат каблуки Жанны. Вспомнилась забавная штука – металлофон: бьёшь молоточком по железной пластинке, и она звенит вроде тонких каблуков по мокрому асфальту. У меня был игрушечный металлофон в детстве, кажется, папа подарил.

На папу рассчитывать тоже не приходится. Он до сих пор сидит во Владивостоке из-за проблем с автомобильным филиалом. Пару раз приезжал ненадолго, но даже сумку до конца не распаковывал. Мы связываемся по скайпу, редко, потому что папа занят. Плюс неудобная разница в часовых поясах: когда здесь день, там – ночь. А я думаю: неужели его бессонница прошла? А если нет, что ему ме-

шает звонить этой своей ночью? Думаю, но не спрашиваю. Терпеть не могу скайп. Людям и так непросто получать удовольствие от разговоров, а когда болтовня становится обязанностью, это вообще невыносимо. Но не будешь же в онлайне просто на кого-то пялиться, или читать книжку, или ещё что. Как объяснить, что тебе нужны не слова, а присутствие? Быть рядом, и всё.

Не то чтобы я сильно скучала по папе, просто часто чего-то не хватало. Все эти месяцы, с апреля по сентябрь. И вот сейчас до меня дошло, чего именно, — мне не к кому прислониться спиной.

Застучали Жаннины каблуки, пискнула сигнализация, дверцы машины разблокировались, и я влезла на переднее сиденье. Жанна юркнула за руль, включила печку:

< — Домой? >

— Нет, на бал.

Жанна улыбнулась, но я не стала вежливо скалиться в ответ. Перебьётся.

Она пожала плечами:

— Ладно.

Поехали без музыки. Ночью и без неё хорошо: пробок нет, светофоры мерцают оранжевым, огни — жёлтые, белые, жёлтые, белые — гирляндами скользят по бокам проспекта. Мотор гудит чуть слышно, спокойно... в тепле разморило, накатила сонливость. Так и заснула бы, но Жанна вдруг сказала:

— Прости меня.

— Что?

— Не думала, что расстроишься. Клянусь. Честно, не понимала,

почему ты обиделась.

– Теперь поняла?

Я с минуту ждала ответа, но зря. Ясно-понятно. Жанна старается не обманывать, ей легче промолчать.

– Ясно-понятно, – вслух повторила я.

– Слушай, никто не знает, что в блоге – о тебе, – зачастила Жанна. – Я же не называю имя, неставляю фотографии, и сама под псевдонимом.

– Какая разница, главное, что я знаю, – сонливость слетела в секунду. – Знаю, что ты запросто рассказываешь о моём личном. Это личное! Моё! Нельзя брать чужое, про себя пиши. И не заливай больше про доверие, воры и предатели его не заслуживают.

< – Полина! Зачем драматизировать? Ведь никаких последствий... >

– Это интернет, мама! Все на виду! Даже если не называть имя, рано или поздно правда выплывет! Надо мной вся школа ржать будет!

– Ну нет.

– Да!

Помолчали.

– Хорошо, – сдалась она.

– Ты не будешь вести этот блог?

– Буду. Но про тебя – ни слова.

– Врёшь.

Я разочарованно уставилась в окно. Видеть её не могу. Жанна коснулась моей руки:

– Пожалуйста, поверь. Я не подведу. Обещаю.

Дома сон покинул меня окончательно. Пока ехали, думала: вот поползу до кровати и вырублюсь часов на двадцать. Ага, щас. Веки хоть пальцами прижимай, потому что иначе глаза открываются как у старой советской куклы, только у куклы они распахиваются в вертикальном положении, а у меня – когда ложусь. И мысли, мысли. Хотелось верить Жанне – ошиблась, бывает, главное, что осознала. Она, может, и взбалмошная временами, но к обещаниям относится серьёзно. Но я не верила.

А ещё надо было спросить, почему на заднем стекле её машины наклейка «Продаётся».

И предложить смотаться на каникулах во Владивосток. Мы там < не бывали, интересно же. >

А завтра первым уроком – самостоятельная. А я учебник в руки не брала.

Блин!

Пришлось вставать, выдёргивать из рюкзака геометрию и топать на кухню. Там я зажгла газ под чайником, открыла книгу, но сразу положила в сторону и потянула с подоконника журнал сканвордов. Без ручки, ручкой в нём нельзя.

«Боевой зигзаг коренного австралийца».

Бумеранг.

К первому уроку я плелась как ёжик в тумане. Туман был самый настоящий, ёжик тоже – колючий, сонный, потерянный. Полночное чтение геометрии знаний не прибавило, осталось только бабушкино средство: положить учебник под подушку в надежде, что теоремы сами переползут в голову. Так я и в зубную фею снова поверю. Хотя она всё равно не явится – наше сотрудничество закончилось после того, как я не согласилась на шоколадку и попыталась вернуть молочный зуб на место с помощью суперклея.

– Привет!

< Есть же у кого-то настроение жизнерадостно орать по утрам. >

– Эй, Полина! Подожди!

Я обернулась. От соседнего подъезда стремительно надвигалось яркое пятно. Неоново-жёлтая куртка, короткая стрижка торчком, ехидная улыбка. Ксю.

Обычно Ксю выходит пораньше и мы не пересекаемся. Да, живём рядом, учимся в одном классе, но общих интересов – ноль без палочки. Так уж получилось. Она была мне другом, пока в прошлом году не сошлась с парнем из выпускного и не пропала. В смысле, стала очень занятой. Будто надела сапоги-скороходы и унеслась на своих длинных ногах в прекрасное далёко. А когда любовь выветрилась, Ксю ко мне не вернулась, осталась в компании старших. Но это нормально.

Сейчас вообще мало кто дружит по-детски крепко. Из-за ЕГЭ,

репетиторов, подготовительных курсов и прочей суеты каждый сам за себя. Мы ведь стараемся для нашего будущего, а оно всего дороже.

Жанна, когда слышит про будущее, презрительно фыркает. Советует хоть в уборщицы идти, если, например, чистота нравится. «И вообще, – недоумевают она, – как можно в вашем возрасте наверняка знать, чего хочешь? Попробовать надо всякое, понять, полюбить какое-то дело». Но универ ждать не будет, там всё строго. А я и правда не представляю, чего хочу. И вся эта серьёзность выбора настолько придавливает, что кто угодно станет мечтать о попаданчестве. В другом мире я была бы метательницей кинжалов, огненно-рыжей красоткой из кочующего цирка и по совместительству охотницей на оборотней. Без высшего образования, потому что там оно даром не нужно. Или какой-нибудь ловкой мошенницей с гадальными картами, которые...

– Осторожно, не наступи, – предупредила Ксю.

– Что-то ты поздно сегодня, – начала я светскую беседу, обходя грязь. Она обогнула её с другой стороны и пошла рядом.

– Проспала.

– Геометрия?

– Ну да.

Мы завернули за угол как раз вовремя, чтобы увидеть отъезжающий троллейбус. Словно огромная синяя рыба вяло плеснула хвостом и скрылась в туманной мгле. Тупомордый рогатый сом. Мы ему ни к чему, он и так проглотил целую толпу бледных усталых людей. Они невкусные, на следующей остановке выплюнет.

Я тупо смотрела, как, потревоженная троллейбусом, заволновалась гигантская лужа. Как покачивались жёлтые листья в бурой воде, как их ударяло о высокий бордюрный камень.

– Ждать будем? – спросила Ксю.

– Кого?

– Транспорт.

– Не, я пешком.

Ксю достала телефон, глянула на время и нахмурилась.

– Если поднажмём, успеем. Давай быстрее.

– У меня сил нет.

– Всё у тебя есть!

Она схватила меня за куртку и потащила к подземному переходу. Я упиралась, да без толку – легче разжать челюсти Русика на приеме у стоматолога, чем её тонкие музыкальные пальчики. Пришлось ковылять следом. А Ксю между тем решила срезать путь по газону, бодро маршируя и выкрикивая стишок про «осень наступила, падают листья». Не знаю, как листья, но я пару раз чуть натурально не грохнулась. Подошвы кроссовок скользили на траве, шапка сползла на глаза, прядь волос забилась в рот.

– Ксю, дурочка, отпусти! Помедленнее! – взмолилась я на ступеньках перехода.

– Беги, Форрест, беги!

Мы смеялись в тёмном бетонном тоннеле, и голоса отскакивали от стен, разрастались, протягивались эхом. Вынырнув из-под земли по другую сторону проспекта, я наконец по-настоящему проснулась. День уже не казался безнадёжно мерзким, холодный воздух приятно

обтекал разгорячённое лицо, рюкзак не тянул к земле. Это всё Ксю, она может встряхнуть кого угодно. И я ей благодарна. Была благодарна, пока она не выдала:

– Слушай, твоя мама в психологи подалась?

Мы шли вдоль чёрной ограды из частых металлических перекладин, и Ксю задумчиво вела по ним ладонью. На меня не смотрела.

– С чего ты взяла?

– Так я на неё подписана. На Бегущую вдаль. Читаю блог с тех пор, как... – «...с тех пор, как мы дружили», – могла бы сказать она. – С тех пор, как ты мне про него рассказала. Помнишь? После вашей Турции. Ну, когда вы поехали в Турцию, а в итоге оказались в армянском захолустье?

Я не отвечала – что тут сказать? Попадалово!

– Она хорошо пишет, – добавила Ксю, но мы обе поняли, что прозвучало это так себе, жалкой попыткой прикрыть неловкость.

– Это не она, – выдавила я.

– В смысле? А кто?

– Про путешествия – она, а что потом – нет. Понятия не имею, кто там умничает.

Ксю шлёпала рядом, молчала и недовольно сопела. Её мысли можно было услышать: «Что ты несёшь, я на идиотку похожа?» Пришлось врать дальше.

– Она продала блог. Ну, знаешь, их продают. Популярные сайты, раскрученные ютьюб-каналы и прочее такое. Вот и она продала.

– Зачем?

– Надоело, наверное.

– Значит, про благотворительность кто-то другой писал?

– Угу.

– Жаль.

– Почему?

– Мне нравилось читать. И сейчас нравится. Хотя, если бы моя мамаша начала задвигать в интернете о воспитании, я бы сильно напряглась. Но со стороны даже забавно.

– Это точно.

И до самой школы мы не разговаривали. Уже на крыльце я откашлялась и попросила:

– Ты никому не говори про этот блог, ладно? Они же подумают, что там обо мне. Замучаюсь каждому объяснять что да как.

Ксю торопливо покивала и приложила кулак к груди, мол, клянусь сердцем матери. Была у нас такая нелепая клятва миллион лет назад.

Самостоятельную я писала на автомате. Вздрагивала от каждого шепотка, сутулилась, кусала щёки изнутри. Плохая привычка, но что поделать. Как быстро Жаннин блог просочился в мой класс! Я ведь, когда сказала ей, что в школе узнают, просто пригрозила. Не всерьёз, давила на совесть. И на тебе. Накаркала.

На перемене Ксю подсела к Лунге и Римскому. До чего мучительно делать вид, что я их не замечаю! Кого они обсуждают, меня? Лунга не проблема, он безобидный, но у Римского не язык, а раскалённое шило. На вид о-о-очень хороший парень, картинка из книги

про юных героев, но тем, кто покупается на его открытый взгляд и невозмутимую вежливость, можно только посочувствовать. Если Римскому есть что о тебе сказать – прячься, будет больно. Жанна таких называет интеллектуальными поганцами, Русик – кибальчишами, что бы это ни значило, а я просто хочу жить спокойно. Правда, Римский меня в упор не видит, но поди пойми, что у него в голове.

В общем, я реально тряслась в то утро.

Почему, ну почему Жанна не остановилась на благотворительности?! Она же сама твердила, что это знак, посланный свыше. Ответ на все вопросы. Путь. Ага, с большой буквы – Путь. Типа дольмен сработал в нужную сторону. Не случайно же на неё вышли волонтеры и попросили написать в блоге о мальчике с ДЦП именно в тот момент, когда она ждала от Вселенной подсказки.

Тогда Жанна обрадовалась и выставила объявление: срочный сбор средств на оплату лечения. Начала вникать и втянулась. Ей вдруг открылось, что интернетная благотворительность – это огромный мир. Что можно сидеть хоть в Москве, хоть в селе Зашкварное и помогать людям из разных городов и стран. Что она – Жанна – способна сама создавать группы помощи, назначать реквизиты для перевода денег, договариваться о лечении с врачами из разных клиник, в том числе иностранных. И в волонтерское сообщество её приняли как родную. Каждый вечер мы с Русей слушали долгие пылкие монологи: Жанна отыскивала смысл бытия. И хотя она напоминала восторженную девочку с новой игрушкой, я гордилась ею. И Руся тоже.

Месяца три Жанна ела и спала не отходя от ноутбука. Из мони-

тора сыпались тонны человеческих несчастий, но она тянула себя за волосы подобно известному книжному барону и объявляла несчастьям войну.

А потом начала сдавать.

– Понимаете, некоторые люди – такие странные существа, – словно оправдывалась Жанна, пока я и Руся сражались с длинными скользкими спагетти. – Я вроде не должна об этом думать, потому что не моё дело в чужие карманы заглядывать, но всё-таки. Вот смотрите, с одной стороны, у людей беда и надо помочь. Но с другой, у них есть богатые родственники или у самих две квартиры. Могли бы одну продать, раз срочно деньги нужны, да? А люди не хотят, они просят сброситься других. И другие отдают им последние копейки с пенсий и пособий. Нечестно. Как считаете?

– Не все же так делают, – пробормотала я, разглядывая свежие пятна томатного соуса на футболке.

– Не все, конечно, – согласилась Жанна, но словно сомневаясь.

В другой раз я катила тележку по широкому проходу супермаркета, а Жанна рассеянно сбрасывала в неё пёстрые упаковки с полок и размышляла вслух:

– Для сбора денег надо давить на жалость. Выкладывать фотографии с ранами, язвами, швами, видео из больниц. Главное правило профессионального попрошайничества – торговать страданием, чтобы публика содрогалась. Только это как-то... недостойно. Но ведь в борьбе за жизнь все средства хороши? Цель оправдывает?.. А ещё мы должны везде писать: «Спасём!» Как будто можно отменить врождённые пороки или неизлечимые болезни. Я иногда чувствую се

себя вруньей.

Потом она вломилась в мою комнату, отодвинула учебники на край стола, чтобы я отвлеклась от уроков, и раздражённо заявила:

– Почему-то считается, что в нашей стране нормальной медицины нет и надо собирать миллионы на лечение за границей. А для этого необходимо ругать наших врачей. Чуть ли не живодёрами их обзывать. Но я не могу, я отказываюсь!

В конце концов Жанна сказала нам с Русей так:

– Дети мои, всё просто. В этом мире много лжи и манипуляций, но и света предостаточно. Не отказывайтесь помогать, верьте людям. Верьте, но проверяйте всё, что видите в интернете. И пусть победит добро!

< Мы с Русей скорчили торжественные мины и пообещали нести > свет.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Жанна, – а у меня переоценка ценностей. Отдохну, пожалуй.

Только её уже знали в узких кругах добра, настойчиво звали в благпроекты и отдохнуть не получилось. Может, если бы Жанна повалялась на диване с книжкой и погуляла на воздухе, то вернулась бы к волонтёрам с новыми силами. А так...

– Да ладно, это совсем другая сфера.

– Мам, но ты же с религией не дружишь. У тебя вместо православия голова энергетическими вихрями Вселенной забита. А новая волонтёрская служба – церковная.

– Ну и что? Я собираюсь раздавать бездомным еду, а не проповеди.

Теперь Жанна много общалась с людьми вживую, без интернета. В блог она писала об общественной работе и о том, что истинное счастье – найти единомышленников и быть полезной. Всё шло гладко, пока новые знакомые из отдела социального служения к ней присматривались и не заводили беседы о вечном. Но когда завели:

– Они искренние и по-настоящему добрые, но некоторые вещи не могу принять. Никак не могу.

Жанна не возмущалась, наоборот – была непривычно тихой. Поникшей. Сидела за ноутбуком и смотрела в погасший монитор.

– Чего такого страшного от тебя хотят?

– Да ничего. Просто я не согласна, что вера должна быть правильной. Что лучшие люди – люди определённых убеждений. Вот тётя Минарет – замечательный человек, и что, из-за другой веры она > второго сорта?

– Тётя Минарет?

– Хозяйка гостиницы. На Каспии, когда я расшиблась в аквапарке, а потом был шторм, а потом ты сломала ногу. Помнишь? Она нам помогала тогда – тётя Минарет. И её муж, и дети. На руках тебя носили, закармливали персиками. Ну?

Я действительно забыла, несколько лет прошло. Ногу помнила, а остальное – смутно. Но кивнула, чтобы порадовать Жанну.

– Вот... – вздохнула она. Уныло покрутила колёсико мышки и вдруг резко выпрямилась. – Но это не главное. Стыдно признаваться, но мне неприятно развозить обеды. Когда кто-то тянется, чтобы взять тарелку, вижу грязь под его ногтями, и боюсь, что дыхнёт в лицо, и постоянно помню о вшах, которые могут перепрыгнуть в мои

волосы. Понятно, что прыгают блохи, а блохи на людях не живут, но я всё равно чешусь. И при этом корчу из себя святую. Просто люблю себя. Так противно! Я – ничтожество!

Ну вот, приехали.

Время от времени, редко, Жанна тоскует, обзывает себя и стыдит. Если это случается, её надо пожалеть. Обнять, похвалить, сказать, что на самом деле она хороший человек, а для меня – самый лучший на свете. Тогда Жанна берёт себя в руки и продолжает бой. Например, запускает новые проекты.

– Я лучшая мама на свете, твои слова. Значит, мне есть что сказать другим родителям. Чтобы поделиться опытом. А статьи о семейных проблемах очень востребованы, это же здорово! Вот чего ты опять дуешься? Я же пообещала! Расслабься!

Только я не расслаблялась. И думала: интересно, а кто в случае чего пожалеет меня?

Некоторые девочки, не буду показывать пальцем на зеркало, зря себя накручивают. Наверное.

Статьи Жанны я проверяла каждый день утром и вечером, она держалась молодцом – ни намёка на шестнадцатилетнюю дочь. В школе тоже никакой драмы: сосредоточенность на отметках, редкие вымученные шуточки и тотальное равнодушие. Одноклассники словно жевали бесконечную жвачку – челюсти двигаются на автомате, а взгляды бараньи, остекленевшие. Я сама выглядела не лучше. Ну и что. Обычное дело.

И вроде бы учись спокойно, почитывай книжки, вполсилы мечтай о невозможном, но нет. Тревога поселилась где-то пониже горла и периодически напоминала о себе лёгкой изжогой. Потому что я сомневалась в Жанне. Наверное, впервые в жизни.

А ведь раньше ей было достаточно сказать: «Ой, подумаешь, трагедия! Приключения получаются только из трудностей», – и я успокаивалась. Жанна всегда знала, где искать выход, а где – вход. Украли деньги? Зато каких симпатичных цыган мы встретили, когда ночевали на автовокзале. Сломалась машина в одичалой степи? Но ведь дядька на тракторе домчал нас по бездорожью в богом забытый казахский посёлок, а там стоял маяк – заброшенная громадина посреди песков, давно ненужная и нелепая в пустыне, из которой ушло море. Прелесть! Как бы ещё мы увидели такое чудо? И вообще, можно натянуть на голову одноразовую медицинскую бахилу, ес-

ли нет шапки. Можно есть снег, когда нет воды. Можно постучать в любой дом. Только не забывай здороваться, говори «пожалуйста», «спасибо» и улыбайся. Тебе это ничего не стоит, а другим улучшает самочувствие.

Магическая формула «Ой, подумаешь, трагедия!» срабатывала без осечек. Моя вера в Жанну была безграничной. Жанна защитит от любого взрослого хама, скажет: «Давай прогуляем школу и не будем учить этот невыносимый стих», не обидит.

Но если бы всё осталось по-прежнему, стала бы я проверять её блог?

Я думала об этом, глядя как Жанна с Русиком играют в бадминтон. Она – маленькая и быстрая, он – длинный и неуклюжий. Комичное зрелище, но милое.

По руке из вафельного рожка текло подтаявшее мороженое, капало на штанину и тротуарную плитку. А я сидела на скамейке и ничего не делала. Такой был расслабленный момент, когда нельзя шевелиться и даже моргать, а то исчезнет. Руся и Жанна в розоватом вечернем свете, оранжевый сквер, тонкие голоса на детской площадке и звонкий воробьиный гомон в ветках каштана. Если поднять голову, можно рассмотреть стайку. Носятся, кричат, наверное, счастливы своими воробьиными страстями. До чего они мелодичные! Неприметные мусорные пичуги, а в голосах – красота.

– Руся пошёл за сосисками в тесте, тебе тоже купит, – Жанна в секунду сломала моё созерцательное настроение. – Полина, пломбир течёт!

На самом деле он уже никуда не тёк, а вывалился из моей дрог-

нувшей руки Жанне на ботинок. Она подняла рожок, бросила в урну и снова встала передо мной, чуть помахивая ракетками.

– Давай сыграем.

– Не хочу.

– А чего хочешь?

– Ничего.

Жанна села рядом, откинулась на гнутую спинку лавочки и вытянула ноги.

– Так не бывает.

Я только хмыкнула. Тогда она прикрыла глаза, прислушиваясь к воробьям. Лицо её стало очень спокойным, каким-то одухотворённым, что ли.

– Хочу съездить во Владивосток, – неожиданно ляпнула я.

Жанна чуть вздрогнула и выпрямилась.

– Зачем?

– Станный вопрос.

– Что за вопрос? – это Руся подошёл со спины. Я обернулась и открыла рот, чтобы прояснить ситуацию, но не успела. Жанна театрально приложила руку ко лбу:

– Где еда, юноша? Принёс ты сосиски или обрёк нас на голодную гибель?

Он принёс, достал из бумажного пакета и вручил, шаркнув ножкой. Округлые сосисочные попки выглядывали с двух сторон ещё тёплой булки и умопомрачительно пахли. Я откусила побольше и сказала с набитым ртом:

– Вопрос в том, что нам надо сгонять во Владивосток к папе.

Руся – редкий увалень, обычно его приходится долго уговаривать, но не в этот раз:

– О, годная идея!

– Вот видишь, – повернулась я к Жанне, – Руся поддерживает!

Мой нарочито бодрый голос висел между нами незримым вопросительным знаком, пока она неторопливо жевала, искала в сумочке влажные салфетки, тщательно вытирала пальцы, укладывала в чехол бадминтонные ракетки...

– Ну? – не выдержала я. – Поехали?

– Куда?

– Во Владивосток!

– Полина, что у тебя по географии?

– При чём тут это?

– При том, что Владивосток очень далеко. Да, Руся?

– Так-то да, на машине долго добираться, – протянул он, – но можно самолётом.

Жанна вздохнула:

– На самолёт у нас нет денег.

– Да ну! – не поверила я.

Проблема денег всегда была для нас непроблемой. Не то чтобы мы шиковали, ели с золотых тарелок и жили в особняке с бассейном, нет. Самая обыкновенная семья, как все вокруг. Просто не считали, не выбирали в магазине колбасу подешевле и не ждали конца месяца, чтобы купить, к примеру, новые джинсы. Я вообще никогда не думала о деньгах. Если надо, можно взять у Жанны в кошельке. И обсуждать нечего.

Наверное, поэтому рассказы о дорогих билетах на самолёт показались глупой отговоркой.

– Знаешь, – сказала я, – не смешно.

– Согласен, – только в голосе Русика, в отличие от моего, не было ни капли иронии. – Ладно, давайте забудем.

– Руся, ты чего?! Это же отмазка! Она просто не хочет! А там папа вообще-то! Значит, мотаться по всяким гребням – можно, а к папе – далеко?! Что за фигня?!

И тут я осознала, что непостижимым образом оказалась на ногах, стою перед скамейкой и кричу как ненормальная. Вроде некоторых дурных тёток из поликлиниковой очереди. А Руся с Жанной сидят рядышком и смотрят одинаково – с недоумением и лёгким отворачиванием. Боже, как неудобно! Я ведь спокойный разумный человек, даже немного тормоз. Или это только казалось? Неужели меня накрыло из-за денег, как разбалованную меркантильную истеричку?

Так я думала, хватала ртом воздух и тарасилась на них, а они окаменело тарасились на меня. Вдруг Жанна легонько толкнула Русю локтем, хихикнула, и от этого его лицо вытянулось ещё сильнее. Она зажала губы ладонью, щёки пошли красными пятнами, на глазах выступили слёзы, а смешки всё равно прорывались сдавленным хрюканьем. Руся испуганно глянул на меня, такую же красную, но по другой причине, и снова повернулся к Жанне, которая уже приобрела малиновый оттенок. Залопотал что-то, но она снова его пихнула и выдавила через хихиканье:

– Ты только посмотри на Польку... у неё вид, будто осу проглотила... Орала, орала и поймала ртом... и мы такие же... Выпучен-

ные! – Жанна всхлипнула, и её прорвало. Хохот наверняка услышали во всех соседних районах. А Руся пришибленно заморгал и внезапно икнул.

– Ой, – сказал он.

– Ой! Ой! – застонала Жанна. А когда я нервно откашлялась, она повалилась на лавку и начала повизгивать. И до того заразительно, что Руся хихикнул раз, потом второй, а потом тоже закатился.

– Да ну вас, – обиделась я.

– Ты своё злобное лицо не видела! Чисто сатана! – задыхалась от смеха Жанна.

– Плюшевый демон! – поддакнул Руся и снова прыснул.

< – Вызывайте экзорциста! – она никак не могла остановиться. >

– Для Поли?

– Для меня! Я сейчас умру!

– И я!

Жанна с Русей вцепились друг в друг и захохотали с новой силой, им теперь хоть палец покажи, только сильнее разойдутся. На меня этот вирус безудержного веселья не перекинулся, но ярость отпустила, стало легко. Чуть смущённая улыбка сама напозла на физиономию, залила теплотой шею и грудь. Вот дурачьё, думала я, дурачьё моё любимое.

Дома я попыталась оправдаться, убедить Жанну, что дело не в деньгах, что сама не понимаю, с чего разозлилась. Только больше бормотала и сыпала междометьями. Русский язык велик и могуч, но

его явно недостаточно, когда дело касается личных переживаний. Вроде бы чувствуешь вполне конкретные вещи, а в слова они не укладываются. Как объяснить? Вот внутри у тебя плещется бездонное море шириной от горизонта до горизонта, но если станешь его описывать, изо рта выскакивают только пластмассовые игрушечные кубики синего цвета. И мямлишь, мямлишь.

– Брось, Полин, всё нормально. Проехали.

Уф! Проехали, можно больше не тупить и закрыть тему. Но я не закрыла. Побродила с полчаса из угла в угол, зашла в Жаннину комнату и присела на край компьютерного стола.

– Мам?

– Что?

« – Слушай... я опять насчёт денег. Мне всего хватает, ты не ду- »
май. Но хочу понимать, что происходит. У нас катастрофа?

Она допечатала предложение, кликнула «Сохранить» и подняла глаза:

– В смысле?

– Ты машину продаёшь, я видела наклейку.

– А, это. Надоело с ней возиться. Постоянно корми её, переобувай, таскай на диагностики всякие. Легче такси вызвать и не морочиться. Забудь. Всё под контролем, правда, – Жанна словно начитывала роль по бумажке.

– Точно? Ничего такого, что мне надо знать? – Я подхватила её интонацию, и теперь мы обе разыгрывали сценку на тему «Мелочи жизни».

– Точно. Только папе не говори. Он и так на нервах из-за филиа-

ла, не стоит лишний раз напрягать. Обещаешь?

– А если спросит?

– С какой стати?

Тут она права, наш предел – вопросы про школу.

Поэтому на следующий день, когда папа вымученно улыбался из монитора, я сидела с такой же кислятиной на лице и молчала.

Мы с папой во многом похожи: хмурим одинаковые широкие брови, рассеянно потираем крупные носы, подбородки у нас тяжёлые. Хотя я поизящнее, конечно. И борода у меня не растёт. А папа выглядывает из своей бородищи, как партизан из подлеска. «Совсем распустился, – думала я, – Жанна бы мигом его побрила. И футболка мятая, словно он в ней спал. И даже стена на заднем плане как-кая-то псориазная, обшелушенная. Чего он там сидит? Дома-то лучше».

– Как в школе? – спросил папа.

– Без происшествий.

– Хорошо.

– Ага.

Выдохнули. Главное сказано, можно сворачивать скайп.

– Пап, у меня уроков много на завтра, – как обычно завела я, а он кивнул и скользнул мимо виноватым взглядом. Да что ж такое?! Мы живые люди, а не истуканы деревянные! – Уроков много, но я почти всё сделала и никуда не спешу. А в школе у нас...

Вероятно, это называется вдохновением. Муза вранья сидела на моём плече, болтала кривыми волосатыми ногами и корчила зверские рожи. Я сочиняла экшн. По сюжету Римский (он, знаешь,

вполне красавчик, но занудный до невозможности, что-то вроде самовлюблённой ходячей энциклопедии) и Лунга (потрясающая серость, человек без лица, как его собственные родители узнают?) типа в шутку отобрали у Ксю телефон (подружка моя из соседнего подъезда, смешная такая, ты ещё говорил, что у неё лисья мордашка), а я (пап, ну это слишком – лазить по чужим личным фотографиям и ржать, пришлось поставить их на место) подошла и сказала... сказала... (не важно, что конкретно я им сказала, это было грубовато и повторять не стоит), но парни телефон отдали и даже извинились (наверное, сработал эффект неожиданности, я ведь спокойная, а тут взяла и припечатала придурков). Короче, это было здорово. А вечером мы с мамой и Русей болтались в парке, там такая красота! До этого всю неделю заливали дожди, мы уже начали от сырости плесенью покрываться, честно. Прямо грибами обрастать. Но второй день погода у нас сказочная, Уолт Дисней, а не погода!

– Да, дожди надоели, – подтвердил папа.

– Вот, значит, понимаешь, до чего здорово, когда солнышко. Просто праздник какой-то!

И я болтала как заведённая, пока не пришлось уступить место Жанне.

Они общались за закрытой дверью. Я слышала их приглушённые голоса через стенку, но разобрать не могла. После долгого монолога было странно молчать. Представилось, что голосовые связки раскалились докрасна, а теперь остывали. Пш-ш-ш. И в голове тоненько звенело. Надо включить музыку, заполнить чем-то внезапную пустоту. Я взяла телефон, но вместо плейлиста открыла поисковую

строку и вбила «Владивосток». Сайты, фотки, в левом верхнем углу значок погоды. Та-а-ак.

Что он сказал? Надоели дожди? Только дождей во Владивостоке не было. Ни на этой неделе, ни на прошлой.

Наверное, папа хотел поддержать разговор, вот и поддакнул.

А может, нет его ни в каком Владивостоке.

Стоп, Полина, у тебя нездоровое воображение, прекрати. Это же папа!

«Следующая после примы», – говорят папы. «Втора», – отвечают дочки. Чёрные буковки заполняют клетки, шелестят настенные часы, остывает чай. И никакого вранья. Это же папы.

Она это сделала! Не зря я дёргалась! Предательница!

– Полин, хватит истерик. В статье о тебе ничего нет, я слово держу. Ну спросили в комментариях, есть ли у меня дети, ну ответила. Подумаешь, трагедия. А ты вообще нервная в последнее время, что случилось?

– Ты случилась! Ты!

– Так, давай продышись и спокойно обсудим. Блог ни при чём, да? Что-то в школе? Парень? Или кто-то из учителей? Мы со всем разберёмся.

◀ – В школе всё нормально, но это ненадолго. Из-за тебя. Ты вообще меня слышишь? ▶

– Я слышу невразумительный лепет на пустом месте. Если есть проблема, скажи прямо и не ищи поводы срываться.

– Если проблема – ты, признай это и не ищи виноватых на стороне.

– Полина, хватит.

– Да, мама, хватит!

Я заперлась в своей комнате и сразу полезла в компьютер, чтобы выплеснуть весь яд на Бегущую вдаль Жанну, пока он не разъел меня изнутри. Пальцы лихорадочно долбили по клавиатуре и горели, словно из каждого вырывались языки пламени. В горле бурлила ненависть, хотелось плевать ею, как кислотой.

Взрослые – тупые беспринципные эгоисты... лицемеры... вам нужно только подчинять... калечить... прикрываетесь блеянием о пользе... лживые шкуры... за людей не считаете... сами ни черта не знаете о жизни... беситесь от своей никчёмности... лезете по головам... боитесь, что мы добьёмся больше вашего...

И так далее. Получилось увесистое сочинение на пару страниц. Если считать в тетрадном эквиваленте.

Стрелка курсора зависла над кнопкой «Отправить». Жанна удалит этот текст одним кликом, а меня заблокирует. Что же делать? Я встала и подошла к окну. Далеко внизу по детской площадке перекачивались несколько человеческих детёнышей в ярких куртках. Пасмурный день состарил дома, выел все краски из поредевших тополиных крон и забрызгал мир грязью, но эти неунывающие карапузы оказались ему не по зубам. Они сновали по огороженному квадрату с качелями и песочницей так же хаотично, как мысли в моей голове. И всё же детская суета успокаивала. Было в ней что-то упрямое, негибкое. Но и я не размазня и во мне достаточно силы.

Для начала нужно перечитать свой опус.

Я сделала это дважды, ужасаясь опечаткам и восклицательным знакам – наверняка их здесь не меньше сотни. Нет, нельзя публиковать безграмотное позорище. Да и содержание не порадовало – замечательная иллюстрация к статье о юных неадекватках. Если хочу побить Жанну, надо как минимум не уступать ей в рассудительности.

А я хочу побить Жанну?.. Да!

Как она говорит? Для успеха в писательском деле нужно немно-

го: словарь синонимов и побольше наглости. Что ж, этого добра навалом, усидчивости мне тоже не занимать.

Я кровожадно усмехнулась. Ну держись, Бегущая вдаль! Сейчас удалю старый текст и... Жанна уничтожит всё, что я напишу. Это её блог. Вот если бы я была хозяйкой, неприкосновенность обеспечена, а так смысла нет. Или есть? Конечно! Это же элементарно!

В подоконник со стороны улицы ударили тяжёлые капли, но внутри у меня горело огромное солнце. Сначала я зарегистрировалась на том же ресурсе, что и Жанна. Имя взяла в пику ей – «Стоящая на краю». Убедила систему, что я не робот, бессчётное количество раз подтвердила пароль, тиснула портрет зловещей Венсдей из «Семейки Адамсов» вместо своего фото и застыла перед пустым полем для текста собственного блога. Потом собралась с духом и принялась печатать. Без нервной долбёжки по клавишам, неторопливо, нежно. Часа через два размяла спину и дёрнула на кухню за бутербродами.

Жанна словно нарочно караулила. Выплыла из своей берлоги и сладко поинтересовалась:

– Может, нормально пообедаешь? Разогреть борщ?

Не смотри на неё, Полина, не смотри, не смотри! У тебя самодовольство на лбу написано! Марш обратно!

Я отрицательно покачала головой и бочком протиснулась в коридор. Мимолётно кольнуло чувство вины. Дочка-иудушка. Но она первая начала!

Экран мягко светился, строчки тянулись ровными аккуратными рядами, как чёрные траншеи. В них я похороню нашу с Жанной

дружбу. Ещё не поздно стереть, и тогда всё будет по-прежнему. Но будет ли? Нет, голосом до Жанны не докричатся, опомниться не успею, как она растрезвонит на весь интернет мои способы лечения перхоти и размер нижнего белья. Поэтому вот:

Стоящая на краю:

Ненавижу слово «подросток». Этакое клеймо ущербности. Я человек, просто человек. И главная моя беда в том, что я завишу от вас – взрослых. Почему-то считается, что вы умнее меня. Но чем можно измерить разницу наших умов? Жизненным опытом? Эм, на минуточку, опыт – это не просто то, что вы пережили, а то, что вы пережили осмысленно. Многие из вас могут похвастаться достаточным умением анализировать? Сравнивать? Делать выводы? Да ладно! Вы иной раз беспомощнее младенцев, слепоглухонемые, унылые и невыносимо ленивые.

Мы это видим, не сомневайтесь.

Вот Бегущая вдаль (ссылка на блог Жанны), например, уверена в своих умственных способностях. Она щедро раздаёт советы о воспитании, рассматривая нас, людей помладше, как насекомых. Её высокомерие зашкаливает. Если вы считаете, что другой совершенно вам понятен, и запросто обсуждаете его поступки, то непременно возвышаетесь над ним. Снисходительно разглядываете с высоты своего роста. И да, вы обязательно презираете его. Я права, Бегущая вдаль? Вы же такая сложная, а он – ваш условный подросток – примитивный. Но вы хорошая, мудрая и поэтому презрение запрячете подальше. Так, что толпа глуповатых по-

клонниц и не заподозрит.

Но мы и это видим.

Некоторые из вас хотят быть нам друзьями, но забывают, что дружба возможна только между равными. То, что вы никогда не позволите себе по отношению к другим взрослым, легко применяете к нам. Мы ваши друзья до тех пор, пока это удобно, но в первой же спорной ситуации вы напоминаете, кто здесь главный. Кто? Правильно, вы. Знаете, отвалите с такой дружбой. «Но я тебя содержу. Ты ничего не принёс в этот дом, только и умеешь, что таскать продукты из холодильника и мелочь из кошелька». И сразу: «Какая подработка, в какой кофейне? Твоё дело – учиться!» Вы со всеми своими друзьями так обращаетесь?

Вы лицемеры, дорогие мои. Пока вы не честны с собой и с нами, не будет понимания. Хоть миллион блогов напишите, хоть ешьте по умной книжке о воспитании каждый день вместо завтрака.

Вы лицемеры, и мы это видим.

И пока вы к нам не лезете, прощаем. Мы вас прощаем, отстаньте от нас.

Ай да Полина, ай да молодец! У Александра Сергеича на эту тему иначе было, но я – девочка, к тому же культурная. Поэтому ограничусь молодцом.

Я опубликовала выстраданный текст, с непередаваемым чувством ликования перечитала его снова, и снова, и снова... а подписчиков-то нет. Пустота. Вакуум. Это Жанна за несколько лет путеше-

ствий набрала армию читателей, а потом заливала любую ерунду на раскрученную площадку. Я же никому неинтересна со своими откровениями. Жанна. Вот кто сейчас важнее всего.

В самом верху на её странице красовалась новая статья о подростковых фобиях. Почему бы мне, бесстрашной бунтарке, не разместить под ней ссылку на своё творчество. Примерно так:

Уважаемая Бегущая вдаль, для вас есть послание, кликните ссылку, и дверца откроется. Ваша подопытная Стоящая на краю.

А потом я пыталась зубрить химию, каждые десять минут отвлекаясь, чтобы обновить Жаннину страницу. Ответа не было.

◀ После химии, литературы и биологии догадалась заглянуть в свой блог ▶

О! О_o!!!

Подписчики: 23. Комментарии: 6.

Ну конечно, набежали активистки из числа Жанниных поклонниц.

Номер один: *Сколько в вас желчи, девушка!*

Номер два: *Милая, вы сами не понимаете, какие глупости говорите. Вот появятся у вас детки, нахлебаетесь с ними всякого, не поспите ночами, полежите в больницах, пару раз сойдёте с ума от страха за них, и станет стыдно за ваши жестокие слова. Если бы мы не любили своих деток, могли бы спокойно смотреть, как они самоубиваются. Но мы любим!*

Номер три: *Жалко твоих родителей, настоящего монстра вырастили. У тебя же лицо маньячки, специально так сфотографировалась?*

И дальше в таком духе. Но Жанна безмолвствовала. К вечеру подписчиков прибавилось до тридцати двух и комментариев стало больше. Я не отвечала, просто не могла себя заставить. Ведь самый важный отзыв ещё не написан – та, для кого я затеяла представление, упрямо не подавала признаков жизни.

Но она читала, сто процентов читала! Я всем нутром чувствовала её присутствие. Как и напряжённую тишину за стеной. Жанна – тот ещё наблюдатель, сидит в уголке и тащится. Память моментально подкинула картинку: поздний вечер, темнота, здоровенный слепящий экран... >

Да, я видела такое пару лет назад в одном звездистом восточном отеле. Мы тогда отдыхали с Жанной вдвоём, в основном валялись в кроватях с книжками, потому что с погодой ужасно не повезло. «Какой покой, – восхищалась Жанна, – какая великолепная тишина!» Место и в самом деле было дремотное: полупустой отель, бесшумные лифты и двери, постояльцы и персонал, пребывающие словно в оцепенении. Полумрак и приглушённые шорохи.

И вдруг, часов в восемь вечера, стены затряслись от невообразимого грохота. Вопли и тягучие подвывания на местной тарабарщине, дудки и барабаны, аплодисменты и восторженные выкрики бесцеремонно врываются в номер со стороны улицы. «Наверное, туземные юноши. Подогнали машину и включили радио, – предположила Жанна. – Это ненадолго». Примерно через час мы выудили из

моего рюкзака новенькие беруши, купленные для самолёта. Не очень-то помогло: забористая местная эстрада упрямо обходила все препятствия. От дикого музыкального рёва разболелись зубы. Но Жанна дотерпела до одиннадцати. «Странно, почему никто не жалуется? Пойду осмотрюсь», – набросила куртку и решительно выдвинулась из номера.

Время шло, Жанна не возвращалась. И тише не стало. Я крадась по упругому ковролину пустынных коридоров и вспоминала сказку, в которой герои отправлялись искать друг друга и пропадали навсегда. Встретился мне только смуглый бородатый парень. Ну, как – встретился? Он сидел на своём законном месте за стойкой в холле и головы от бумажек не поднял. Музыка здесь была почти не слышна, понятно, почему персонал её игнорировал. Зато стоило выйти на улицу, как децибелы беспощадно врезали по ушам. «Что же это за радио в машине такое? Кто эти меломаны-убийцы? И где Жанна?!» – я даже представить не могла силу, способную её задержать. А когда попыталась, тело противно зазнобило, но не от холода. И потряхивало всё время, пока я торопилась вдоль нашего крыла, огибала угол, петляла между клумбами.

Сначала я увидела большущий плоский экран вроде домашнего кинотеатра. На нём припадочно пестрили тётки в длинных платьях, а из громадных колонок по бокам от экрана вырывалось их оглушительное хоровое пение. «Тарасэ-кам-сапам-барбатасэ» – как-то так. Или не так, кто их разберёт? Перед экраном рядами стояли стулья, как перед летней эстрадой. Много, штук десять длинных рядов. Все пустые. И только в первом ряду по центру горделиво и неподвижно

восседали три дамы в хиджабах. Они смотрели концерт, а Жанна разглядывала их, тихонечко примостившись с краю на галёрке.

Вот и сейчас я словно видела её в дальнем тёмном углу.

Пока на мою мятежную статью слетались всё новые комментаторши и заводили «Тарасэ-кам-сапам-барбатасэ», Жанна наблюдала. А я стояла ещё дальше, в густой тени, невидимая даже для неё, и ждала.

Она ответила мне за полночь в своём блоге. Написала два слова. Только два слова, но какие!

Вот они:

Вызов принят.

Дальше был полусон или полуобморок. Мы с Жанной словно раздвоились.

Бегущая вдаль и Стоящая на краю каждый день катали по статье, отвечая друг другу между строк, но избегали открытого диалога – в комментарии не писала ни одна из нас. Хотя там и без того кипели страсти. Бегущую вдаль в основном хвалили, Стоящую на краю – ругали.

Настоящие живые Жанна и Полина спокойно занимались своими делами, вежливо беседовали на бытовые темы, демонстрировали чуткость и полное взаимопонимание. Но немного настороженно, словно присматриваясь друг к другу. Примерно так:

«Мама, я в магазин, купить тебе что-нибудь?»

«Ватные диски закончились, если не трудно, купи, пожалуйста».

«Хорошо. Что-то ещё?»

«Нет, благодарю».

Или:

«Полина, мне пора заниматься йогой. Громкая музыка не мешает?»

«Нет, мама, всё в порядке».

«Ну ладно. Если что, скажи, я выключу».

«Занимайся на здоровье».

Интернет не обсуждался. Совсем. Никогда.

Не знаю, как Жанна, а я была пришиблена им – интернетом.

Мысли всё время крутились вокруг статей, просмотров, подписчиков, отзывов. По вечерам терзало стойкое головокружение, будто я укаталась на карусели типа «Ветерок», ночами был сон без снов, вроде беспросветного каменного мешка, а утром я вскакивала до будильника и первым делом проверяла блог. Школа, переживания о будущем, папа с Русей – всё смазалось, расплылось, отодвинулось на самый далёкий задний план. Это было не то попаданчество, о каком я мечтала, но иная реальность, иная я.

Подобное не может длиться долго, правда?

В тот раз Ксю ждала меня нарочно и не старалась притворяться, что нам просто по пути. Я вышла из подъезда, воткнулась взглядом в её кислотно-жёлтую куртку и прищурилась от боли в глазах. Из-за постоянного недосыпа они стали невыносимо чувствительными. По ушам резануло её слишком громкое «привет!». А вот мозги, наоборот, утратили остроту реакций и соображали с большим трудом, будто голова набита не мыслями, а манной кашей.

Я кивнула, обошла Ксю по широкой дуге и сутуло поплелась в сторону проспекта.

– Фигово выглядишь. Гриппуешь? – участливо поинтересовалась Ксю, в два счёта меня догнав.

– Сплю мало.

– Почему?

– Потому.

«Потому» – это точка. Обрыв. Заградительная колючая проволока.

Она замолчала. Я понадеялась, что Ксю обиделась и сейчас

рванёт к остановке одна, но ничего подобного не произошло. Мы топали в ногу, шурша листьями и похрустывая утренней наледью на мелких лужицах. Плечом к плечу стояли перед красным светофором. Синхронно пересекали дорогу по зебре на зелёный. А на остановке Ксю резко повернулась ко мне всем телом, вызывая на разговор:

– Я хотела поговорить о блоге твоей мамы.

– Это не моя ма...

– Да, помню, ты рассказывала. Но я всё равно читаю. Знаешь, там теперь есть ссылка на другую блогершу, вроде как Бегущей вдаль отвечает другой человек. Какая-то Стоящая на краю. Она недавно зарегистрировалась, видимо, специально для этого. Довольно жёсткая девица, но честная.

< Ксю замолчала, глядя вопросительно. Пауза затягивалась. >

– И что? – Я хотела, чтобы вопрос прозвучал равнодушно, но голос не слушался и словно вибрировал.

– Ничего. Просто подумала, что тебе интересно. Эта вторая девица говорит от лица наших ровесников, перегибает, конечно, но, по большому счёту, она права. И вот я подумала: кто бы это мог быть?

– Мне неинтересно.

– Ну, может, предполагаешь или...

– Мне. Неинтересно.

Она знает! Знает! А меня словно парализовало. Внезапно вспомнилась бывшая одноклассница в метро, её падение с высокой платформы. И как я шарахнулась с брусьев на спортивной площадке за школой. Сорвалась в какую-то долю секунды, и не осталось ничего, кроме жгучего чувства потери равновесия, опоры, земли, суще-

ствования.

Когда подплыл синий троллейбус, ноги сами подошли к отъехавшей двери, коленки послушно согнулись – одна, вторая, – следом за Ксю я поднялась в полупустой салон. Ксю двинулась к свободным сиденьям на задней площадке, обернулась.

– Деньги забыла, – буркнула я и чудом успела выскочить назад, на улицу. Надо бежать домой, там меня никто не достанет! Но вместо этого стояла под козырьком остановки, рассматривала проезжающие мимо машины, рывками втягивала холодный воздух, согревала его внутри и выдыхала белые облачка пара.

И как теперь быть?

Думать.

< Ксю не друг, но и не враг. И доказательств у неё нет, только догадки. Поэтому можно отставить панику и спокойно топтать в школу. Но, с другой стороны, доказательства никому не нужны. Это в Сети можно игнорировать комментарии, а в жизни спрятаться некуда. В класс придёт не Стоящая на краю, а Полина, которая не способна заблокировать Римского и прочих остряков-самоучек. И ответить им Полина не способна, и не обращать внимания – тоже. А они её в труху раскатают, тем более есть замечательная болевая точка – Жанна. Одно дело, когда смеются над тобой; совсем другое, если речь о твоей матери. Такое невозможно стерпеть. >

В начале улицы показался следующий троллейбус. Надо что-то решать.

А что решать, что решать-то? Ну прогуляю сегодня, завтра, неделю или две, а потом? Доучиваться всё равно придётся. Жанна

виновата, но и я не лучше. Никто не заставлял выделяться в блоге. Дура, чем только думала?!

Так, стоп. Не факт, что Ксю расскажет. А если расскажет, кому интересны измышления нудной Полины с предпоследней парты? Хоть застрелись посреди класса, они только притворно повздыхают и побегут к своим репетиторам. Так что надо усмирить раздутое самомнение и лезть в транспорт, школа сама себя не закончит.

Троллейбус мягко причалил к бордюру, распахнул двери. Я натянула шапку до бровей и шагнула к нему, чувствуя себя рыжей мошенницей из бродячего цирка. Мошенницей, которую вот-вот разоблачат и поведут на виселицу.

< Ни-че-го! Ничегошеньки! Только беглый взгляд Ксю, когда я с опозданием сунулась в кабинет и проямлила: «Можно войти?» Физичка махнула рукой, не переставая стучать мелом по доске, – садись, мол. Я настороженно оглядела класс, но не заметила ни малейших признаков опасности. Светлые головы, тёмные головы, все без исключения головы склонились над партами. Бубнёж физички обтекал их и оседал чернильными закорючками в тетрадах. А чего я ждала?

Моя соседка по парте – Катя с нежным лицом Алёнушки из старой сказки и такой же нежной картавостью – шепнула «привет» и отодвинула учебник, освобождая место. Всё. На этом всё.

Я выдохнула, раскрыла тетрадь, уставилась на доску. Но вместо формул увидела бегущую ленту отзывов:

«Стоящая, ты врёшь. Мне пятнадцать, и нет никаких проблем с

родителями. Потому что кого-то нормально воспитывают, а кого-то – как тебя».

«С чего это твоё мнение такое ценное? Особенная, что ли?»

«Пока все учатся, некоторые разыгрывают униженных и оскорблённых. Хочешь, чтобы тебя пожалели? Ок, мне тебя жалко».

«Фигня какая-то, а не блог, зачем я это читал?»

День за окном всё больше темнел, наливаясь предгрозовой му-
тью, потолок давил на макушку, электрические лампы словно пуль-
сировали. Физичка выдавала нечто бессвязное, я выхватывала от-
дельные знакомые слова, но удержать не могла, и они ускользали.

Кто-то чихнул. Кто-то хмыкнул. У кого-то упала и покатилась руч-
ка. Многозначительно. Они мне намекают, дают понять, что в курсе.

– Можно вопрос? – в физичкин монолог вклинился Римский.

– Да? – отозвалась она.

Я почувствовала, как под мышками холодеет от пота ткань блуз-
ки. словно в бредовом романе Павича. Тот роман и до середины не
осилила, но помню, что герои остро ощущали рост своих волос или
ногтей. Например, сидит человек в саду под яблоней, грезит о поте-
рянной любви и вдруг замечает, что время невыносимо замедли-
лось, а ногти удлиняются. Я тогда подумала: что за гадкий выпенд-
рёж, к чему эти физиологические подробности? А теперь сама стала
героиней Павича.

Римский стоит впереди наискосок, вижу на фоне окна его пря-
мую спину, вздёрнутый подборок, длинноватые тёмные волосы, щё-
ку, кончик носа. У него нереально белая кожа, как у покойника. Или
это меня накрывает?

– Я хотел бы уточнить... – низкий голос с ленцой. Ну давай, уточни, сколько можно мучить?!

И он говорит, несёт полную чушь о каких-то газах, частицах, не пойму.

Это только физика! Расслабляюсь, скольжу взглядом в сторону. Всё такая же раздвоенная – одной своей половиной в классе, другой прокручиваю в голове новую Жаннину статью, на которую ещё не ответила.

Мы должны помнить, что подростку физически больно от чужого внимания, прикосновения, насмешки. Стыд – неизменный спутник вашего почти взрослого ребёнка. Болезненная застенчивость, когда крикнуть водителю маршрутки об остановке или назвать нужный товар в магазине настолько сложно, что срывается голос. Потому что голос привлечёт внимание, возможно враждебное.

Лунга покачивается на стуле и грызёт карандаш.

Есть в нём нечто мышинное, такое мелко-вредное.

Сложнее всего подростку с себе подобными, но не один на один, а против группы. Моя дочь (да, правило неразглашения Жанна отменила) ужасно напрягается на улице, например, когда мы проходим мимо компании её сверстников. Иногда она стыдится меня: громко разговариваю, неуместно смеюсь, неправильно одета. Потому что я привлекаю внимание. И хотя мне понятен её

страх, помочь нечем, это нужно перерасти.

Ксю заглядывает под учебник, наверняка спрятала там телефон.

Её соседка накручивает на палец прядь из осветлённой чёлки. У неё всё ухо в пирсинге.

Поэтому нашим детям проще без нас – неуправляемых, отстающих от жизни, немодных. Понимая причину их отдаления, мы можем отнестись к ней с уважением.

Шуршит сминаемая бумага. Позади кто-то тянет носом. Воздух пропитан потом, пылью и скукой. Что я здесь делаю? Зачем все мы сидим в этой душегубке, отключив желание жить? Невыносимо. >

Мы должны быть терпимыми, потому что сами иной раз нервничаем на людях. А наши дети переживают это острее из-за неумения дать отпор. Стыд – их вторая тень. И им ещё только предстоит научиться вставать и уходить, когда это необходимо.

Вскидываю руку:

– Можно выйти?

Римский замолкает на полуслове; теперь я чувствую не то что рост волос, а даже как отмирают микроскопические клетки кожи на лице. Но моя рука упрямо тянется вверх.

Когда мы были помладше, Катя-Алёнушка вот так же подняла руку, но не встала, а попросила учительницу подойти. Та наклони-

лась, и Катя шептала ей на ухо. Учительница прервала урок, велела всем, кроме Кати, покинуть класс, а мне – ещё и сгонять в раздевалку за её вещами. Все тогда толкались перед кабинетом, недоумевали, и Римский сказал: «Я знаю, это недержание – обделалась Катка». Уходила она под дружный хохот, почти бежала по широкому пустому коридору в своём длинном коричневом пальто. Вечером Жанна объяснила мне, что произошло. Такое случается с взрослеющими девочками, пачкает их одежду в самый неподходящий момент, а бедная учительница не могла обсуждать подобное с учениками. Стыдно, это же стыдно. Но мне стало стыдно от другого: мы ржали как кони. Не над Каткой, а над меткими словами Римского, но какая разница. «Завтра же извинюсь, первым делом скажу ей, что смеялись по другому поводу». Но назавтра она не пришла. А потом стало как-то не до того и не важно.

– Можно выйти? – повторила я.

– Я же сказала, иди, – в голосе физички послышалось раздражение.

Вероятно, я пропустила её предыдущий ответ. Потому что именно тогда раздвоенность закончилась. Стоящая на краю и Полина взглядели на Катю, взяли за руки и слились в единое целое – без фанфар, фейерверков, землетрясений и прочих спецэффектов. Просто я моргнула и через миг оказалась в привычном мире с нормальным освещением, звуком и цветом. Стала обычной собой. Только наглее. Стоящая на краю – дерзкая девица, у которой уже больше сотни подписчиков, ей есть за что себя уважать. То есть Полине есть за что себя уважать. То есть мне.

Наверняка Римский и все остальные напрочь забыли о частях, когда я сняла рюкзак со спинки стула, шумно покидала в него тетрадь-пенал-учебник, рванула застёжку-молнию, забросила лямку на плечо, тяжело протопала к двери, а там остановилась и снова подумала об осмеянной однокласснице.

– Полина, что происходит? – физичка больше обвиняла, чем спрашивала.

– Всё нормально. Просто у меня месячные.

Это было негромкое заявление, но каменно-твёрдое. Смелости хватило ровно на пять слов. Выскочив за дверь, я понеслась по коридору, как когда-то Катя, но не униженно, а гордо. Из груди рвался смех, пол словно пружинил под подошвами, меня натурально несло.

«Лучшая защита – нападение! А рожи у них были! Вот уж не ожидали!.. Вот уж я натупила... Помутнение рассудка, не иначе. Приступ безумия. Физичка решит, что я наркоманка. Ну и дела...»

– Куда? – сонно поинтересовался охранник, когда я подлетела к турникету в вестибюле. – Освобождение есть?

Я упёрлась взглядом в его белёсое прыщавое лицо и с вызовом выдала:

– Пропустите. У меня месячные.

Парень открыл рот, закрыл, нахмурился, но вдавил пальцем нужную кнопку, чтобы разблокировать турникет. Оказывается, шокировать людей необыкновенно приятно!

Внутри бурлили восторг и ужас, когда я выскочила из школы под тёмно-лиловое небо, глотнула холода и понеслась к ближайшей станции метро. Заледеневшими скрюченными пальцами держала

телефон возле губ, наговаривала сообщение для Руси. У него наверняка лекции, но плевать. Я важнее. И если сейчас не расскажу кому-то про нашу с Жанной тихую войну, просто взорвусь. Естественно потеряю остатки разума. Хватило же ума ляпнуть преступное слово на весь класс. И охраннику. А потом наклониться над его столом, залезть носом в исчерканный сканворд, выхватить «Творение Пигмалиона» и радостно закричать: «Галатея!»

– Прикольно, – сказал Русик.

Прикольно? И всё?!

Я поперхнулась чаем и закашлялась. Но это, может, не из-за Русика, а из-за самого чая.

У них с Саматом – Русиным соседом по комнате – есть отвратительная привычка заваривать пакетики по два-три раза. А после выбрасывать их в окно, да так, чтобы цеплялись за ветки вяза. За три года вяз оброс пакетиками полностью – чайное дерево. Наверняка Самат придумал, он запредельный свинтус и, если бы не болезненное чистоплюйство Руси, зарос бы грязью по самые брови. Вернее, > заросла бы комната.

«Э, какой смысл убирать, кто тут видит? – недоумевал Самат, посвёркивая хитрющими глазами. – А Полинке всё равно, она только на меня смотрит. Да, Полинка? Ну признайся, я так устал страдать». Вот ещё! Не хватало повестись на парня, который даже стареньким универовским техничкам глазки строит. Невозможное трепло.

Но сейчас Самат безмолвствовал. Судя по вороху постельного белья на дальней кровати, он беспробудно дрых, совершенно не реагируя на нашу болтовню.

– Ну да, прикольно, – повторил Руся, докрутил до конца ленту комментариев под моим блогом и отложил телефон. Тот мигнул экраном и погас между Русиным горшком с суккулентом и вонючей пепельницей Самата.

– Ты издеваешься! – рявкнула я.

– Почему это?

– Правда не понимаешь? Ну ладно...

Пришлось разъяснять. Снова. Показывать на пальцах, близко к тексту цитировать Жанну, жаловаться, злиться, только что пантомиму не разыгрывать. До тех пор пока не заскрипела кровать Самата и не раздался протяжный голос:

– Полинка, ты пришла, королева судьбы моей, самая грациозная лань столицы.

– Самат, отвали! – а нечего перебивать.

– Ого! – обиделся он. – Какая ты сегодня зубастая.

– Просто я о серьёзных вещах, а ты...

< – А я несерьёзный и поэтому отвергаешь? Мне незачем жить, >
пойду утоплюсь в душевой. Или хотя бы умоюсь. Ты полюбишь меня чистого, Полинка?

Я набрала побольше воздуха, чтобы раз и навсегда отшить наглеца, но повернулась ровно в тот момент, когда он откинул одеяло и начал выбираться из постели.

– Самат!

Спал он голым. И нарочно не прикрылся, чтобы смутить. Я ойкнула и зажмурилась, Самат рассмеялся, Русик сказал, что это уже слишком. Самат сказал, мол, простите-извините, сейчас возьму полотенце. Руся сказал, своё бери, а не моё. Самат сказал, можешь смотреть, Полина. И вальяжно удалился, обмотав бёдра махровой тряпкой. Я оторопело моргала. Вот же человек! Для кого-то подвиг – прилюдно произнести одно-единственное слово, а кому-то любое

непотребство – безобидная шутка. Откуда берутся такие нахалы? Вернее, откуда в них столько лёгкости и почему другие позволяют им любые выходки?

– Дятел, – припечатал Руся.

– Да ладно, – моментально простила паршивца я.

С уходом Самата стало слишком тихо. Словно схлынула волна гостей, оставив после себя грязную посуду и грустную пустоту. Мы неподвижно сидели у маленького шаткого стола и смотрели в окно.

Дождь не собрался, хотя тучи висели низко. Ветер шевелил скорбные вязовые ветки, покачивал чайные пакетики, и я подумала, что этот вяз – дальний родственник новогодней ёлки. Только ёлке суждено блистать и погибнуть, а вязу – носить украшения из мусора <и жить. Большинство взрослых наверняка выбрали бы второе, юные> – первое. Интересно, когда мы совершаем этот переход из одного лагеря в другой? Взросление – это ведь не попаданчество. Ты не получаешь паспорт, как магический артефакт, и не перелетаешь с его помощью в другой мир. А как тогда? Миры разные, это факт; значит, между ними есть граница. Межа. Край. И Стоящая на краю должна бы знать о нём больше прочих, хотя бы в силу своего имени, но нет у неё ни ответа, ни предположения.

– Русь, а тебе бывало стыдно?

– В смысле? За дятла этого?

– Да забей ты на Самата. Вообще стыдно. В детстве или позже.

Так, что навсегда запомнил.

– Вроде нет.

И снова молчание. Руся потянулся к электрочайнику, включил, и

мы слушали нарастающий гул внутри его пластикового корпуса. Тоннель, электропоезд, у-у-у...

– Мама говорила, что я стыдился отца. Папу. Давно, когда он жил с нами. Ещё чаю хочешь?

– Не надо. Я... какого папу? Нашего?

– Нет, папу римского. У него же шмотки типа бабских платьев и шапки эти дурацкие. А ты о чём подумала?

– Э-э-э...

– Нашего, конечно. По словам мамы, он много пил, спивался, понимаешь? И засыпал в подъезде возле двери. Он сидел на ступеньках, а я маленький плакал и звал его домой. Потому что стыдно. Только он меня не слышал, он ведь спал. Но сколько мне тогда было? Год? Полтора? Сомнительно, что годовалый ребёнок понимал про пьянство. Думаю, мама сильно преувеличивала.

Дзиньк – чайник сообщил, что вода вскипела, и Руся отвлёкся на него. Я отстранённо наблюдала, как он сыплет в чашку сахар, четыре ложки. В голове по кругу неслись цирковые лошади. Я была маленькая и толстая, в антракте хотела сфотографироваться на слонёнке, и папа подсадил. Он держал меня, подталкивал вверх, но взгромоздиться на специальную красную попону с кистями не получалось. Папу шатало, я всё время соскальзывала. А какой-то мальчишка стоял рядом и со слезами кричал: «Не лезь на него, балбеска жирная, ему больно! Слонику больно!»

– Он не пьёт, Русь, совсем не пьёт, это неправда, – я почти шептала, хотя хотелось кричать.

– Врать бы она не стала. Мама не разрешала мне сюда приез-

жать, потому что боялась. Ну, вдруг он сорвётся, вытворит что-нибудь, забудет меня посреди Москвы, например. Потеряет, понимаешь? Но сейчас я уверен, что она ошибалась. Из-за Жанны. Ради таких женщин можно и завязать.

– Каких – таких?

Русик не ответил, только слабо улыбнулся. Грустно.

Да ну, о чём мы говорим вообще? Алкоголик – это маргинальная личность, которая клянчит деньги и отлёживается в лопухах за гаражами. А папа – успешный холёный делец в дорогом костюме, гордость, и авторитет, и... Я ведь ничего не знаю о его прошлом. То есть имею представление о родился-учился-женился, но человек-папа мне неведом, особенно молодой. Потому что папы – это папы. <Постоянные величины. Неизменные и округлые. Они похожи на ну>ли. Не из-за пустоты, просто на них нельзя делить или умножать, нет смысла их вычитать, но если присоединить к любому другому числу, оно усилится многократно.

– Ну вот, ты совсем раскисла, зря я сказал.

– Не зря, Русь.

– Это я – дятел. Ты пришла с проблемой, а я добавил. Слушай, Поль, может, с блогем твоим как-то помочь?

– Не надо, сама разберусь. Честно.

Вернулся Самат, потряс влажными волосами перед зеркалом, прошёлся из угла в угол всё в том же полотенце, выставя на обозрение результаты тренировок в спортзале.

– Оденься уже, – не выдержал Русь.

– Ща, – Самат тормознулся у стола, сцапал Русину чашку и

шумно отхлебнул. – М-м-м, всего лишь полкило сахара. Ты себя не обделил?

– Самат, тебе бывает стыдно? – спросила я.

– Никогда!

– Почему?

– Чего стыдиться идеальному человеку? – всё ему шутки. – А ты зачем спрашиваешь, для блага, про который тут ругалась? А дай почитать, интересно же. Кто Полинку обидел? Я ему ноздри порву за тебя, тигрица души моей. Хочешь, принесу его скальп, только скажи. Это твой телефончик, да? Ну-ка, ну-ка... Эй! Ты что творишь?! Я только посмотрю! Руслан, угомони её, нельзя меня по голове бить! Голова – очень нежный орган! Да забирай ты свою трубу, ухо не трогай! Я без него некрасивый буду! Полинка, отпусти, полотенце свалится! Ага! Испугалась!

По дороге к метро думала о том, что Самата можно назначать вместо лекарства всяким депрессивным девушкам. И улыбка напознала на лицо сама по себе. А в электричке я забилась в угол, скорчилась на крайнем сидении и вспоминала папу.

Сделали мы тогда фото на слоне? Папа ведь наверняка защитил от противного мальчишки. Это был цирк в Сочи. Да. А Жанна? Скорее всего, отказалась с нами идти, потому что не переносит цирки и зоопарки, даже на волнистых попугайчиков в клетках спокойно смотреть не может. Или они с папой поссорились? Почему я не люблю Сочи, почему от одного названия во рту становится кисло?

Там была гостиница, вокруг неё парк с пальмами и фонтан.

Мальчишка, не тот, из цирка, а другой, отобрал у меня резиновый мяч-попрыгунчик и бросил в воду. Не в обиду, для игры. Он встал коленками на каменный парапет, наклонился над водой и принялся гадать, всплывёт мячик или нет. А я подошла сзади и толкнула. Тоже для игры. Его родители потом ругались с моими: их сын заболел ангиной. Говорили, что несчастный ребёнок пострадал из-за меня, из-за купания в фонтане. Было жалко мальчишку, я пыталась это сказать, передать ему извинения. Но взрослые не слушали, потому что ругались, и мой тонкий писклявый голос никак не мог пробиться через их громоподобное недовольство.

Кажется, в то лето я слишком часто не могла докричаться до взрослых. Но не уверена, смутно всё. Жанна и папа – тени на дне фонтана.

Странное дело: приходит время, когда родители тоже словно раздваиваются. У ребёнка всё просто: вот мама, вот папа, они существуют для меня. Солнце светит для меня, сок в стакане для меня, и родители принадлежат мне. Но вдруг выясняется, что родители – это ещё женщина и мужчина, которые друг для друга. В их личных переживаниях нет места ребёнку, это отдельная комната, куда посторонним вход запрещён. Любовь там у них, или ненависть, или мексиканские страсти, в которых всего навалом, но ребёнок всегда за порогом, он никто. В других комнатах – часть семьи, а в этой – никто.

Наверное, собственное вхождение в мир взрослых начинается в тот момент, когда осознаёшь в папе с мамой мужчину и женщину. Незнакомых тебе и независимых от тебя. И остаёшься за порогом их личной комнаты. Один.

Вагон электропоезда потряхивало, и пассажиры словно кивали, соглашаясь с моими мыслями. За окнами завывала тьма, изредка вспыхивали тусклые огни, появлялись и снова исчезали мраморные залы станций. Осторожно, двери закрываются. Осторожно, не заступайте за линию. Осторожно, не прислоняйтесь. Ты теперь один, будь осторожен, никогда не теряй бдительности.

Надо полистать статьи Жанны, перечитать их обновлёнными глазами. Сейчас, когда я нащупала нечто важное, но ещё не могу дать ему название.

Телефон открылся на моей странице. По привычке крутанула вниз ленту комментариев и хотела уже перепрыгнуть к Бегущей вдаль, когда выхватила это:

Саматик:

Вот вы злобные, устроили базар-вокзал. Сами попробуйте написать как Полинка. Завидуете её уму, спрятались за никами, трусливые морды. Мне скрывать нечего, я не прячусь. И Полинка смелая, не то что вы. Так что руки прочь от неё, предупреждаю.

Самат! Защитник, блин! Кто его просил?! Имя, имя моё назвал! Чудовище!

Сколько оно тут висит? Не так долго.

Я удаляла художества Самата и жгуче надеялась, что никто из знакомых не успел их увидеть. Шансов мало, но пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Стоящая на краю:

Читала недавно мнение, что подростки колючие и нервные по причине застенчивости. Типа всё объяснимо, дорогие родители, детки стыдятся всего на свете, будем снисходительными. Возраст такой, надо переждать.

Так-то оно так, но кто научил нас стыдиться? Кто шипел: «Не позорь меня», упрекал: «Скоро в дверь не пройдёшь» или «ешь давай, одни кости торчат»? Кто с яслей ругал за задравшуюся юбку, благодаря кому мы стали тыкать пальцами: «Фу, трусы видно»? Ужас какой – трусы. А то, что в трусах, вообще за гранью добра и зла! Кто выставял нас тупицами перед всем классом? Кто бурно воспитывал, не отходя от детской площадки? Кто обзывал? Вспоминайте. Сколько раз громко, при посторонних, вы не стеснялись в выражениях? Я подскажу: всё время, пока мы росли. Вы делали это и сразу забывали, не обращая внимания на собственные слова.

Вы спросите: а как же мораль, приличия, законы общества? Детей надо направлять, прививать вот это всё. Надо. И понятно, что без перегибов не обойтись, но вы хотя бы постарайтесь, непогрешимые наши. Знаете, что я думаю? Большинство из вас просто не умеет ставить себя на место другого человека, понимать его чувства. А в отношении детей и напрягаться не стоит, да? Это всего лишь ваш ребёнок, куда он денется, стерпит. На-

орёте на него посреди магазина, заткнётся и проглотит. В конце концов, можно сделать вид, что ничего не было. Купить ему что-нибудь. И забыть.

Да, у нас возраст такой. Гормоны бесятся, тело меняется, плющит нас. Но дело не только в этом. Не снимайте с себя ответственность, это нечестно. Потому что гормоны гормонами, а без вас тоже не обошлось. Не продолжайте это, остановитесь, не вынуждайте нас защищаться.

Я заранее знала реакцию читателей. Читательниц. И высказывалась теперь не столько для Жанны, сколько для всех этих людей, которые паслись на моей странице. Пусть понервничают, так им и <надо. >

К Жанне у меня тоже были вопросы, но другие. О папе. Только наше вежливое перемирие оказалось самой настоящей стеной, непреодолимым заслоном.

«Полина, передай хлеб, пожалуйста».

«Вот, мама, возьми».

«Спасибо».

«Приятного аппетита».

Карманный разговорник для иностранцев. Игра в куклы какая-то.

«О, Барби, великолепное платье».

«Благодарю, Синди, а у тебя прекрасные туфли».

«Ты такая милая».

«И ты. Поэтому мы лучшие подруги».

Если бы у нас были комнатные растения – фикусы, или папорот-

ники, или что там принято держать дома, – они давно бы завяли от этого натянутого дружелюбия. И если иногда мне удавалось поймать пытливый взгляд Жанны, он тут же угасал и превращался в картонную фальшивку. Я видела такие в оконных проёмах старых осыпающихся особняков: со стороны улицы кажется, что стоят новенькие стеклопакеты, а присмотришься – тёмные картонки, на которых нарисованы белые рамы.

И можно сказать: «Слушай, давай прекратим эту бездарную постановку, нам обеим от неё мерзко. Давай кричать, бить посуду, всё что угодно. Я хочу говорить по-человечески, а не как безмозглые роботы, я больше не могу это терпеть!» Да, можно сказать примерно так и получить в ответ: «Полина, о чём ты? У нас всё прекрасно. А <если я тебя случайно обидела, прошу прощения». >

Но вдруг я ошибаюсь?

Когда Жанна повернулась к раковине и начала тереть кастрюлю мыльной губкой, я собрала со стола тарелки, передала ей и осталась рядом. Она тёрла, губка поскрипывала, вода шумела, ударяясь в жестяную мойку. Жанна делала вид, что не замечает меня, а я разглядывала её руки. Белые кисти с выпуклыми синими венками, тонкие пальцы без колец, короткие неровные ногти. А ведь Жанна всегда следила за ногтями, доверяла маникюр только одному мастеру, лучшему из лучших. И волосы. Она невысокая, а я достаточно рослая, чтобы приподняться на носочках и сверху засечь отросшие вполтину седые корни. Что ещё изменилось, пока мне хватало своих забот?

– Мам?

– Что, дорогая?

Дорогая? Она свихнулась или пересмотрела дешёвых мелодрам?

– Ничего.

– А, ну ладно.

Скрип, скрип – сколько можно намыывать, заклинило её, что ли? Невыносимо!

– Мам, я написала тебе ответку в блоге.

Скрип, скрип.

– Мам? А папа когда приедет?

– Полина, у меня сегодня много работы, устала, давай потом поговорим.

< И что тут сделаешь? Я сгребла грязные вилки и швырнула в > мойку, чудом не задев Жанну. Они коротко гроыхнули и затихли, а губка всё так же монотонно скрипела, надраивая эмалированный кастрюльный бок.

Отвлечься на уроки не получалось. Толку пялиться в книгу, если буквы не складываются в слова. Я сидела за столом и рассеянно поглаживала большим пальцем пушистые волосы Аню-ню. Они сделаны из беличьего меха. Он такой маленький, Аню-ню, – сантиметров десять, крепенький, вырезанный из дерева, лукавой мордашкой на Самата похож. Волосы у него торчком, поясок с красными и белыми бисеринками, а больше нет ничего. Аню-ню – это статуэтка, оберег, мы его с Камчатки привезли. Жанна нарочно для меня купила, потому что «божок детей и озорства – именно то, что нужно слишком серьёзным девочкам. И тётянкам, и дяденькам, и вообще всем. Но

конкретно этот – тебе». Лучше бы папе подарила, я-то хоть иногда улыбаюсь.

Папа тогда с нами не ездил. Если подумать, то после Сочи мы путешествовали с Жанной, с Жанной и Русиком, но всегда без папы. И получалось это так естественно: папа работает, а мы мотаемся. И все довольны.

Я взяла Аню-ню в руку, сжала в кулаке – тёплый отполированный кусочек дерева. На Камчатке было холодно, тускло, сумрачно, я простудилась и почти всё время провела в гостинице. Жанне пришлось отменить часть запланированных экскурсий. А папа привычно остался один в Москве. И кто в итоге доволен?

Почему-то раньше мне не приходило в голову, что наши с Жанной метания походили на бегство. Только от кого она убегала, от папы? Да, блог приносил деньги, поэтому Жанна говорила, что путешествия – её работа. Но ведь сначала были поездки, и только потом появился блог. И если подумать ещё, это может быть связано с сегодняшними Русиными откровениями, с моими туманными воспоминаниями, с чем-то, чего я не понимаю.

Стоп. Загоняешься, Полина. Притянутые домыслы, которые не имеют значения.

Нет, имеют! Имеют, потому что я хочу знать, что происходит. Где папа? Почему он не здесь и когда вернётся? Это моё законное право – знать! Вот возьму и спрошу у него, прямо сейчас потребую объяснений.

Но ни телефон, ни скайп не отзывались. Абонент недоступен, пользователь не в Сети. Ладно, подожду. Убью немного времени, ра-

но или поздно он появится.

Я бездумно листала новости и совершенно несмешные мемы. Глупость одна, помойка мысли. Чат одноклассников с утра не подавал признаков жизни, там даже домашку не обсуждали. В сообщениях – ничего; хоть бы какой спам прилетел, но нет. Я вздохнула и открыла комментарии к сегодняшнему блогу. Ну конечно!

Вот вы говорите, что взрослые виноваты, что нельзя давить на детей, а как на них не давить? Они же моментально борзеют. Из дома выйти страшно, когда малолетки у подъезда пиво пьют, ревут как лоси во время гона и матюкаются. Это же не дети, а бешеные животные. Попробуй замечание сделать – покалечить

Ой, мы тут в кафе сидели, и один мальчик лет восьми закатил истерику. Ему, видите ли, не тот молочный коктейль купили. Мамаша, высокомерная фифа из продвинутых, делала вид, что ничего не происходит, а мне хотелось врезать паршивцу. Значит, ребёнка воспитывать нельзя, чтобы не ранить его психику, а мою психику его воплями ранить можно, так получается?

Я бы законом запретила водить в общественные места невоспитанных детей! А авторша блога или дура, или нарочно пишет провокации.

Нет у них никакого стыда. Всё это модная болтовня в интернетах. А на самом деле они специально грубят, плюют и мусорят.

Правильно тут сказали: одни маты и никакого уважения!

И тут... что?

Плутарх:

Забавно читать об уважении там, где только оскорбляют и жалуются. Вы сами никого не уважаете, но хотите этого от своих детей. И кстати, «маты» – это матрацы в спортзале, а ненормативная лексика – «мат».

Ничего себе, у меня появился союзник! Но это зря, они его сейчас без соли сожрут.

Я вращала колёсико мышки с такой силой, что на подушечке пальца осталась красная вмятина. Так и есть, на Плутарха налетела толпа обиженных. Гневные комментарии сыпались и сыпались, но он не отвечал. Наверное, покинул обсуждение и больше никогда не придёт. Жалко. Тем временем в бой пошли любители ретро:

А чего мы хотели, когда кругом бескультурье? Раньше с детского сада учили Родину любить, потом октябрят, пионеры, комсомол, пикнуть никто не смел. А сейчас дети сами по себе болтаются, смотрят фильмы про убийства и секс, а игры у них какие? На всём готовом живут, ни войны, ни голода не знают!

Плутарх:

Значит, вы сожалеете, что современные дети не голодают и

не гибнут на войне? Интересная позиция.

Он ещё здесь. Я почти услышала его ехидный смешок. Если это парень, конечно. Плутарх, плут, скорее всего парень. Случайно наткнулся на обсуждение и троллит от скуки. А если нет, если мы знакомы в реале? Да ладно! Надо проверить.

– Алло, Руся? Ты всё-таки решил высказаться в моём блоге? Зачем?

– М-м-м... чего?

– Плутарх – это ты?

– Я кто?

– Хватит тормозить!

< – Полин, хватит орать... я спал вообще-то, ты на часы смотри-ла? >

А, ну да. Второй час ночи. Значит, не Руся.

И всё же не стоит выдумывать невесть что, Плутарх – просто случайный человек. Я это понимала, но ещё с полчаса ждала его новых комментариев. Напрасно. Потом безответно набрала папу и выключила компьютер. Спать хотелось до потери сознания, но стоило улечься и закрыть глаза, как из-под век потекли слёзы. В последнее время такое случается, видимо, слишком долго сижу перед монитором.

Я лежала на спине, а слёзы противно скатывались по вискам на подушку. В голове медленно поворачивались неподъёмные, словно пропитанные водой мысли. Так могла бы тонуть девочка, соскольз-

нувшая в прорубь с края толстого льда: мутная темнота, тягучие движения, неуклонное погружение в ледяную невесомость. Сон, но ещё не сон. Пограничье. Течение приносило голоса, смех Самата, отзвук саксофона из Русинной кофейни, физичкино «Полина, выйди из класса!», Жаннино «Мы найдём Путь, Путь с большой буквы», механическое «Следующая остановка – станция „Чистые пруды“», долгий тоскливый гул в сотнях тоннелей и папин шёпот: «Место, где река впадает в море».

Дельта. Это дельта.

У Лунги светлые глаза. Не серые и не голубые, а совершенно неопределённые, прозрачные какие-то, но при его общей бесцветности это не удивительно. Удивительно, что я теперь в курсе. А всё потому, что врезалась в его взгляд на полном ходу и даже услышала фантомный металлический скрежет от внезапного столкновения. Будто две баржи соприкоснулись бортами. А на самом деле мы просто мимо проходили: я – в столовую, он – из столовой. На большой перемене, в толпе, всего лишь встретились глазами на пару секунд. И только моя хроническая взвинченность виновата, что этот момент <завис и растянулся вроде киношного спецэффекта. Лунга даже вни- >мания не обратил. А идущий за ним Римский и вовсе меня не заметил. Уф, хорошо-то как. После моего вчерашнего выступления на физике его молчание – лучший подарок.

У раздатки толкалась мелкота из началки, и я встала чуть в стороне. Вплотную подходить не рискнула, потому что младшеклассники сделаны исключительно из вопящих глоток и острых локтей. На вид они человеческого племени, а на деле – стоя мартышек; попадёшь в гущу такой оравы и невольно вспомнишь брюзжание о невоспитанных детях в общественных местах. Чёрт, неужели я правда об этом подумала? Почти согласилась с врагом? Не-не-не, минуточку, всё не так.

– Полина, я здесь! Что тебе взять? – крикнула Катя из начала очереди.

– Ничего, я подожду.

– Что? Не слышу!

– Ничего!

– Не слышу, мелкие шумят! Иди сюда!

Пришлось проталкиваться к прилавку. А как ещё донести, что сама разберусь?

– Вот, я уже купила чай и булки с корицей, ты не против? – Катя выставила перед собой поднос, словно щит, и отвела глаза, словно виновата.

– То что надо, спасибо.

Мне не очень хотелось есть с кем-то за одним столом, всегда стараюсь сидеть одна, спиной к остальным. Еда – интимный процесс, неловко, когда жуёшь, а кто-то смотрит. Даже глотать от такого трудно. Ещё хуже, если приходится есть и разговаривать одновременно.

Катя тоже ела молча, она вообще замкнутая. Стесняется картошки или характер нелюдимый, не знаю. И смотрела она в свой стакан. Я попробовала чай и скривилась, сегодня он отдавал тушёной капустой. Наверное, из-за столовковского запаха – здесь этой капустой пропиталось всё, включая алюминиевые ложки и пластиковые салфетки.

Я доедала вторую булку и размышляла, успею ли заскочить в библиотеку до звонка, когда Катя отодвинула тарелку.

– Мне однажды было очень стыдно, – с вызовом сказала она.

– Что?

– Очень. И до сих пор.

Я быстро глянула в её нежное раскрасневшееся лицо и трусливо уставилась на исцарапанную столешницу. Краем глаза заметила, как она взяла бумажную салфетку и начала скатывать в трубочку. Вероятно, Катя тянула время, набираясь смелости. А я лихорадочно соображала. Она имеет в виду мой вчерашний демарш на тему... эм... критических дней? Приняла на свой счёт и сейчас скажет, что я нарочно её подколола. Или наоборот, припомнит тот давний случай, чтобы... чтобы что? Укорить меня? Поддержать?

– Кать, пять минут до урока, мне ещё надо...

– Успеем. А если опоздаем, не страшно. Хочу рассказать кое-что.

– Зачем?

< – Просто послушай, ладно? >

Куда я денусь, меня же словно гвоздями к стулу прибили. Это от Ксю можно спокойно уйти, а Катю обидеть – как хомячка придушить. Я и в страшном сне на подобное не способна. Ну, расправиться с хомячком.

– В общем, это, наверное, глупо прозвучит, – сказала Катя.

– Да, – обрадовалась я, – в другой раз поговорим.

– Глупо, но всё равно. Короче. Я, когда была маленькая, как эти, – она мотнула головой в сторону толпы у раздатки, – дружила с девочкой из соседнего дома. Мы часто ходили друг к другу в гости, ничего особенного, просто ерундой всякой занимались: вырезали что-то, клеили, игры настольные у нас были. Не важно. В гостиной у них аквариум стоял, такой стильный, вроде большого бокала на тонкой ножке, а в нём плавала одна-единственная рыбка. Пёстрая, с

длинными плавниками. Эти тонкие плавники и такой же хвост парили в воде, трепетали, ну, как шифоновая юбка на ветру, как... знаешь, да? Очень красиво. Я всё время засматривалась. Сама не понимаю, зачем вытащила рыбку из аквариума. Дождалась момента, когда никто не видит, и вытащила, а она скользкая, надо было крепко держать. Я потом её обратно бросила, только она не поплыла... Подружке от родителей сильно влетело, но я не призналась. И когда она сказала, что это я натворила, всё равно. Наоборот, наговорила ей гадостей, чтобы поссориться навсегда и больше не встречаться. Но мы и сейчас встречаемся, случайно – во дворе или в продуктовом возле дома, и тогда я отворачиваюсь. Не представляешь, как стыдно.

< Катя всё это говорила, опустив голову, скатывая, раскатывая и > снова скатывая бумажную салфетку. Когда её пальцы остановились, я подняла глаза. Катя смотрела в упор и явно ждала реакции.

– Ты ведь не нарочно, – дежурно улыбнулась я.

Похоже, не угадала. Она не улыбнулась в ответ. Я потянулась к недоеденной булке и вдруг вспомнила, что давным-давно вместо «корица» мы с Ксю говорили «корейцы». Булка с корейцами. Хмыкнула и удивилась, до чего громким вышел смешок. Столовая незаметно опустела, только тётки-буфетчицы погромыхивали посудой и коротко переговаривались на кухне да сонная девочка-дежурная сметала мусор со столов. Видно, мы пропустили звонок. Самое время поторопиться в класс, но Катя не двигалась.

– Не хочешь извиниться? – сделала я ещё попытку.

– В смысле?!

– Когда снова случайно встретишь ту подругу?

– А-а-а... – Катя задумалась. – Нет.

– Почему?

– Что я ей скажу?

– То же, что и мне. Что очень испугалась тогда. Сначала – из-за рыбки, а потом – из-за своего вранья. Ты же испугалась?

– Ещё как. А если она не захочет слушать?

– Развернёшься и пойдёшь по своим делам.

– Так просто?

– Угу.

– Надо подумать.

– Надо на урок бежать.

« Померещилось, или, когда мы ввалились в класс, Ксю перегля- »
нулась с Римским? А, всё равно, это не моё дело. К тому же историк не дал поразмышлять на их счёт – отправил Катю за парту, а меня к доске. Вспомнить бы ещё, какой век мы сейчас проходим. И какую войну.

Если бы я встретила его... да, это он играл главную роль в том фильме, это он поёт ту песню, из-за которой мне трудно дышать, это он анонимно оставляет комментарии к моим статьям... так вот, если бы я встретила его, то сказала бы: «Ты полюбишь меня, когда узнаешь. Клянусь. Или... ты уже знаешь?»

Хватит!

За ником «Плутарх» может прятаться кто угодно. Толстый дядька с потной лысиной, томная девица или тётка лет шестидесяти, у

которой обязательно капризный кот, любимый внук и короткая стрижка оттенка «красное дерево». Но я чувствовала, неведомым внутренним радаром улавливала, что никакая это не тётка!

А ведь при моей статности и волевом подбородке романтичность только во вред. Не будь смешной, Полина, то, что добавляет привлекательности недалёким малышам, тебя делает жалкой. Вселенная, зачем мне мозги? Почему я не беззаботная красотка с бровями, губами и безупречно распрямлёнными волосами ниже попы? Шаталась бы по клубам, грациозно усаживалась в роскошные автомобили, как киноактриса, а не раненый краб, щебетала бы с такими же подружками и была бы круглосуточно счастлива. И не тряслась от нетерпения из-за комментариев неизвестно кого с именем Плутарх.

Да, я всё время чувствовала его за спиной. Вместо фото в профиле – картинка с античной статуей дискобола (нарочно выставил обнажённое совершенство?), дата регистрации – несколько дней назад (специально для меня?), в других блогах неактивен (пишет только в моём?), сдержан, скрыто-насмешлив, характер нордический (ах).

Теперь я сочиняла и для него.

А Жанна размышляла о запретах. Например, вот:

Бегущая вдаль:

Временами без жёсткого запрета не обойтись. Разве можно доходчиво объяснить маленькому ребёнку, почему опасно доверять незнакомцам? Какими словами передать весь ужас ситуации, да

так, чтобы не залезть в дебри ночных кошмаров и физиологических подробностей? Без абстрактного «обидит», а наверняка? Невозможно, поэтому включается «если сделаешь, голову оторву». Оторву голову, выпорю, запру – и вот уже родитель почти тот маньяк, которого сам боится. Но это работает. Иногда, с малышами, а подростка уже не запугать.

Подросток гораздо свободолюбивее, независимее и, да, умнее себя десятилетнего. Он достаточно вырос для собственного мнения. И что делать?

Дайте подростку возможность выбирать и самостоятельно управляться с последствиями. Это форточка, которая с каждым годом приоткрывается чуть шире и впускает чуть больше холодного воздуха с улицы. Не бойтесь, что чадо простудится, но и не пытайтесь её распахнуть, ускоряя процесс закаливания. Постепенно. И пусть ошибается, набивает шишки, главное, чтобы за ними следовали правильные выводы...

Стоящая на краю:

Очень здорово (нет), когда взрослые дают нам иллюзию выбора, а потом берут за шкуру и тычут носом в ошибки. С таким же успехом они могли бы взять рупор и вопить в него: «Вот что бывает, когда ты не слушаешься! Получи!» Но справедливости ради надо сказать, что такое происходит нечасто, обычно выбирать не позволяют вообще.

Вы никогда не слышали, как мамаша (или папаша) кроет ребёнка матом за то, что тот ругается матом? Вам не кажется

это абсурдом? Кажется? И всё же многие из вас запрещают именно по этому принципу: «Тебе нельзя, а мне можно». В том и суть. Не в самом запрете, а в его избирательности. Это опять про лицемерие, ага. О чём бы мы ни заговорили, всякий раз возвращаемся к нему...

Что началось в комментариях! Всемирный потоп в режиме цунами! И только Плутарх стоял себе спокойно на плоту под зонтиком и изредка отпускал провокационные замечания. Озлобленные яжема-тери насккивали на него, рычали, пытались кусать, но дискобол – он же каменный.

А потом появилась русалка, вильнула серебристым хвостом и <оттянула внимание на себя. >

Ариэлька:

Стоящая, признавайся, ты знакома с моим отцом? Просто ржу, когда он с умным видом распинается о вреде курения и при этом дымит мне в лицо. Даже не начинай, говорит, я миллион раз пожалел, что начал. А у самого рожа довольная, прям облизывается, так ему курить нравится. Воспитатель фигов. А, и вишенка на торте: ты, говорит, лучше сто граммов выпей, чем курить. Нормально, чё, дельный совет. Фу, вспомнила, и глаз задёргался.

Безумно захотелось её обнять, эту Ариэльку, кем бы она ни была. В её профиле тоже негусто: картинка с надкушенным красным яблоком, зарегистрировалась вчера. Я перешла в блог Жанны – так

и есть, там она тоже отметилась.

Когда спустя пару часов появился Межконтинентальный Кусь (на фотке Бэтмен с лицом нашего президента) и накатав длинную простынь о родительском шантаже, давлении на жалость и прочих манипуляциях, я почувствовала себя полководцем, под знамёна которого стекаются лучшие воины империи. И пусть у некоторых из них проблемы с орфографией и чистотой языка, главное ведь – искренность.

Но и этим дело не кончилось. Совсем поздним вечером высказалась ККК (Ксения Константиновна Крупская), рассказала, что в её семье принято воспитывать кулаками, поэтому не важно, насколько разумны запреты, пакостить назло – это её личная позиция. И если <родители додумаются запретить ей пить уксус, она станет глотать> его до потери сознания.

Ох, просто жуть.

За каких-то полчаса число комментариев перевалило за сотню (вечер пятницы, люди, у вас что, других забот нет?). Полторы. Две сотни (ночь уже, остановитесь!). Да что ж такое?! Мне снова не удалось лечь пораньше, спать было некогда.

К полуночи блог трещал по швам. Тема обсуждения давно забылась, спорщики исходили ядом, цепляясь за каждое случайное слово. У моих союзников появились ещё союзники, к противнику тоже прибыло подкрепление. Они кричали капсом и метали острые знаки препинания. Желали окружающим голода, войны, чумы и сдохнуть под забором. А я словно стояла на краю пропасти, над кипящей лавой, в чёрном дыму, и кругом хлопьями опадал вулканический пепел.

Во время поездки на Камчатку мы с Жанной до вулканов не добрались, но я представляла их именно такими. Клокочущими. Неостановимыми и беспощадными.

Люди, милые, почему вы такие злобные? Это всего лишь интернет!

Я виновата, только я, из-за моих статей весь этот чудовищный скандал. И не представляю, как его остановить. Вот Жанна сумела бы договориться с кем угодно, она запросто общается с читателями и легко их успокаивает. Можно бы попросить у неё помощи, но:

«Что делать? Дать подростку возможность выбирать и самостоятельно управляться с последствиями».

Дамы и господа, здесь и сейчас теория становится практикой. <Под куполом без страховки – мятежная дочь Полина, возмнившая себя зрелой личностью. Сумеет ли она справиться с последствиями своих неосторожных высказываний в Сети или трусливо сбежит?

Да, сбежать – лучший выход, но если я перестану писать и удалю блог, что подумает Плутарх?

Какая разница, я его знать не знаю!

Но хочу узнать. Очень хочу.

Жанна широким жестом раздвинула шторы, и я окончательно проснулась от резкого скрежета колец по карнизу.

– Кофе или чай?

– А?..

– Доброе утро. Точнее, добрый день. Ты выспалась?

Я утвердительно помычала, поморгала на законную серость и снова закрыла глаза. Голова раскалывалась, тело ломило. Такое чувство, что всю ночь по мне ехали танки – давили ребристыми гусеницами и палили как сумасшедшие.

Блог! От одной мысли замутило, а низ живота скрутило спазмом, как бывает при пищевом отравлении. Но я действительно отравилась вчера, надышалась ядовитыми словами.

– Ты чего кривишься? Где болит? – Жанна стояла у окна и внимательно меня разглядывала. Неужели всерьёз беспокоится? Тоже читала комментарии?

– Нигде. Просто подумала. Ничего. Я пока не буду вставать.

– Ладно.

Она покосилась на тёмный монитор компьютера и упорхнула из комнаты. Через пару секунд запела что-то невнятно-задорное. Наверное, думает, что теперь я сдамся. Не дождётся! Просто отдохну ещё немного. Повернусь на бок, подтяну колени к груди и стану перебирать фантазии о волшебном параллельном мире, где любую проблему можно решить одним броском кинжала.

Стоп. День начался неправильно, сегодня ведь суббота.

«Когда проснусь, тогда и утро» – ещё одна жизненная установка Жанны. С удалённой работой легко не зависеть от часов, календарей и прочих ловушек времени. Обычно в выходные я захожу к Жанне в комнату после полудня, отдёргиваю тюль и опускаю оконную створку, чтобы впустить уличный воздух. Даже зимой. Приношу кофе. Жанна пьёт его мелкими глотками и смотрит в окно, натянув одеяло до подбородка. Ей видно только край кирпичной стены соседнего дома, кусочек крыши, две антенны и небо. Иногда облака, иногда солнце, но Жанне всегда есть на что смотреть. Мы не разговариваем, но бывает, она тянется к журнальному столику, включает ноутбук и запускает тихий джаз. И только потом выбирается из постели. Стягивает волосы в узел и принимается за домашние дела. >

Который час?!

– Уже обед, но мы будем завтракать, – крикнула Жанна из кухни. Она мысли читает?

– Не хочу!

– Хочешь!

Пришлось выбираться из кровати.

Мы обмакивали оладьи в клубничный сироп, роняли на скатерть бордовые капли, молчали. Всё-таки в раздолбайстве есть особая мудрость и особое удовольствие. Сидишь неумытая, непричёсанная, ешь руками, и такая приятная заторможенность в мозгах, что всё становится неважным. Так и должно быть в выходной. Завернусь сейчас в плед, зарююсь в тёпленькое с книжкой, буду весь день шуршать страницами под жёлтой настольной лампой, грызть конфеты, и

пусть хоть конец света.

– Руся звонил, зовёт нас в кино.

– Да ну.

Нашёл что предложить. Жанна не любит кинотеатры, её раздражают разговоры и чавканье других зрителей во время сеанса, а я больше по сериалам. Хотя и они надоели – очередная жвачка.

– Дело своё, Полин, но нельзя же ходить только в школу и в интернет.

– Ты меня воспитываешь, что ли?

– Нет, мотивирую.

– Мне и дома неплохо.

– Пойдём проветримся. Ну пожалуйста.

< Это «пожалуйста» получилось мягким и искренним, в отличие от > обычной пластиковой вежливости. Жанна словно немного оттаяла. Нашему противостоянию конец и мы снова заговорим свободно? И я смогу задать все важные вопросы? А если откажу, она опять нацепит маску любезного манекена? Похоже, выбора нет.

Мы двинули к ближайшему торгово-развлекательному центру в ранних сумерках. Вывески уже горели неоном, белые пятна автомобильных фар и красные габаритные огни плавались в сыром холодном воздухе. Казалось, город тонул в густом мареве, а мы брели через него, как две потеряшки. Жанна в старых кроссовках, спортивных штанах и папиной ветровке, я – такая же помятая и несуразная. Словно вышли ненадолго во двор погулять с собакой или вынести мусор, но очутились в потоке людей и машин. «Сойдёт. Кого мы здесь любили?» – высказалась на этот счёт Жанна. Действительно,

никого.

Руся и Самат ждали на третьем этаже возле касс.

– Вот, привязался, – виновато пояснил Руся. – Его девушка отшила, а я не смог бросить друга в беде. Ничего?

Самат горестно вздохнул:

– Знаю же, что Полинка – моя судьба. Не надо было искать счастья с другими. Полинка, давай сядем в последнем ряду и ты меня пожалеешь?

– Что-то не пойму ваших отношений, молодые люди, – напряглась Жанна. – Хотелось бы подробностей.

– Самат шутит. Неудачно, – отмахнулась я.

– Дятел, – вздохнул Руся.

< – Простите, буду страдать молча, – пообещал Самат и пошёл за >
напитками. А там надолго застрял, охмуря продавщицу. В зал он вломился после блока рекламы и начальных титров, шумно полез по рядам в темноте, плюхнулся рядом со мной и начал громким шёпотом выяснять, что мы вообще смотрим.

Смотрели ремейк голливудского фильма про то, как дама средних лет и её дочь-подросток поменялись телами. Вроде комедия, но мне было больше досадно, чем весело. Испанский стыд, так это называется. Сюжет упирался в тему шмоток, сплетен и удовольствий, будто у подростков нет других забот. Будто они, то есть мы – одноклеточные. С каждой сценой я всё больше раздражалась, особенно бесил юмор ниже пояса. Жанна дремала, привалившись к плечу Русика, а тот сидел неподвижно с такой прямой спиной, что ещё немного – и переломится. Только страдающий Самат хохотал и вре-

ментами хлопал меня по коленке от избытка радости. Бедное, бедное его разбитое сердце.

– Какое убожество этот ваш фильм! – не сдержалась я, когда мы выползли из зала, словно из подземелья, потягиваясь и моргая от яркого света.

– А мне понравился! – ухмыльнулся Самат.

– Кто бы сомневался. Столько девиц, и все раздетые.

– Раздетые девицы – это прекрасно. Сходи в любой музей и сама убедишься. Искусство, понимаешь? Но ты, Полинка, лучше всех. Зря завидуешь.

– Когда это ты в музеях бывал? – удивился Руся.

– В школе. Нас на экскурсию водили. В музей. Краеведческий.

Самат так и не понял, почему мы переглянулись и разразились > диким хохотом. Но спасибо ему, хоть какая-то компенсация за потраченное в кинозале время.

– А по-моему, занятное кино, – сказала Жанна, когда мы отсмеялись, уселись за столик на фудкорте и заказали кучу нездоровой еды.

– Плоская бездарная дешёвка! – не сдавалась я. – Можно подумать, что подростки – тупые сексуально озабоченные животные. Почему нельзя снимать фильмы про нормальных думающих людей?

– Потому что это скучно. И, знаешь, суть же в другом.

– В чём?

– В эмпатии.

– Ну вы умные. А можно попроще? – влез Самат.

– Помолчи, а? – одёрнул его Руся.

– Не буду я молчать. При чём тут ваша эмпатия?

– Ну блин, – снова начала раздражаться я, – это же очевидно. Они поменялись телами, чтобы по полной прочувствовать проблемы друг друга. Типа, поставить себя на место другого человека, понять его и не обижать больше. Так примитивно.

– Хорошие идеи всегда кажутся примитивными, – сказала Жанна.

– Всё гениальное – просто? Банальщина.

– Всё гениальное – просто, но не всё простое – гениально. Так мне больше нравится.

– Мам, не меняй тему.

– Слушайте, я готов вечно наслаждаться вашей умной беседой, <но можно спросить? – опять влез Самат. – Чего вон те парни пялятся> на Полинку? Мне ревновать?

«Теми парнями» оказались Римский и Лунга. Они сидели в секции напротив, к нам лицом, а две девушки за их столиком – спиной. Я задохнулась от неожиданности, но через пару секунд включился голос разума: неудивительно, что они здесь, – вечер субботы, единственный в районе ТРЦ, недорогое кафе. Когда мы повернулись в сторону указующего перста Самата, Римский чуть заметно кивнул в знак приветствия, Лунга изобразил сдержанную улыбку. Их девушки вроде бы ничего не заметили. А я вдруг остро почувствовала свои торчащие волосы, застиранную спортивную кофту и растянутые лосины, в которых обычно хожу дома.

– Не надо ревновать, это одноклассники, – пробормотала я, пытаясь спрятаться за стаканом с молочным коктейлем.

– Как интересно, – Жанна подпёрла подбородок кулаком и принялась разглядывать парней. В открытую, не скрывая любопытства. – Дружите?

– Не хватало ещё. Тёмненький – это Римский. Я тебе как-то рассказывала.

– Правда? Римский. Неплохо звучит. Антично. А второй?

– Лунга. Ничего выдающегося.

– Они тебя не обижают? – Руся расправил плечи и глянул на парней исподлобья, изображая обеспокоенного старшего брата. Слово-то какое детсадовское – «обижают».

– Нет, они...

И тут до меня дошло. Античная фамилия Римского. Античная.

◀Плутарх?! ▶

Дома я перечитала все реплики Плутарха, пытаюсь найти подсказку. Вполне похоже на Римского, но не факт. Вот если бы он хоть раз проговорился, что знает меня лично, если бы проскочила хоть крошечная деталь, указывающая на него, я бы не сомневалась.

Нет. Напрасный труд.

И всё же. События развивались примерно так: Ксю засекла противостояние Бегущей вдаль и Стоящей на краю, конечно же, рассказала в школе, потом Самат в прямом эфире раскрыл моё имя, а потом, почти сразу, появился Плутарх. Римский прекрасно вписывался в эту цепочку. Только вопрос: с какой стати ему меня защищать? Наоборот, потроллить было бы интереснее. Или есть причина? Например, я ему нравлюсь. Ха-ха, очень смешно! Но с другой стороны, я

не глупая, он вполне мог это оценить. Ха-ха ещё раз! Надо открыть окно, до чего жарко, щёки горят.

Этот жар преследовал меня всю неделю, особенно в классе, когда бросала косые взгляды на Римского и изводила себя догадками. Это он, тут и думать нечего! Нет, не он, совершенно точно не он!

К среде я превратилась в настоящего параноика. Не только Римский, но и все другие люди стали иксами в уравнении. Я ловила каждое слово. Искала знаки, сигналы, совпадения – и обязательно находила. Всякий раз приходилось мысленно отвешивать себе оплеухи и повторять как заклинание: «Прекрати выдумывать!» Но если Римский – Плутарх, то кто Лунга? Катя может быть Малышкой, Ксю – Крупская? Высокий блондин из параллельного задел меня плечом в коридоре, он – Сталкер? Девчонка, которая подозрительно долго мыла руки, когда я была в туалете, она – Бэд Долл? Парень из автобуса – Костя Бу? Кассирша в магазине – Милена? Соседский пацан – Кракен? Его мать – Счастливая Я? Так, что они пишут в блоге? А у Жанны? А сейчас? А спустя десять минут? А к новой статье?

О-о-о-о! Дайте яду!

Не знаю, как я выглядела со стороны, но изо всех сил старалась держать непробиваемое выражение лица. Ксю поинтересовалась, всё ли в порядке, Катя озаботилась моим здоровьем, обе отправились в игнор. Говорить не было сил. Я чувствовала себя той тонкой нитью внутри электрической лампочки, что наливается светом и чуточку мерцает от высочайшего напряжения. Стоит ослабить контроль, лампочка лопнет. И я держалась, точнее – держала лицо. Чтобы его не потерять.

Если бы Жанна не отменила тревел-блог, мы бы поехали в Японию. Во всяком случае, планировали на следующий год. «Потерять лицо» – японское выражение, означает недостойный поступок, который тебе не простят. Какое-нибудь запредельное хамство, публичные рыдания, а может, у них и громко смеяться нельзя. У японцев что угодно может быть, они нашей логике не поддаются. Как и любые другие иностранцы. По словам Жанны, все мы – жертвы стереотипов, а что-то настоящее о другом народе узнать невероятно сложно. Турист не сможет, но у путешественника есть шанс. У очень внимательного путешественника.

А я думаю, это касается и отдельных людей: каждый – чужая земля, которую попробуй пойми. Со своими местами силы, древними богами и цветущей сакурой. С небоскрёбами и трущобами. С собственным языком. И все мы словно пользуемся Гугл-переводчиком: прогоняем фразы через универсальную программу, теряя смыслы. Принимаем не то, что нам говорят, а то, что способны услышать. Где заканчивается чужая искренность и начинается моя глухота? Как докричаться до человека, который вместо моего «горькое» слышит своё «зелёное», а попытки объяснить с помощью жестов принимает за разминку перед дракой?

Мы все друг другу – иностранцы.

Но если я улыбнусь, любой поймёт правильно, разве нет?

Я размышляла об этом всю неделю, но не улыбалась. Сохраняла лицо. Представляла себя самураем с обложки сборника хокку. Невозмутимым воином, который в любой ситуации смотрит на падающую снежинку, и ничто не отражается в его бездонных зрачках. Ни-

что. Кроме профиля Римского (вторая парта у окна).

Наверное, стоило подойти и спросить прямо: «Ты – Плутарх?» и улыбнуться. На всякий случай, чтобы понял правильно. Но я не могла.

Допустим, Римский ответит «да», что дальше? Скорее откушу язык, чем признаюсь, насколько он мне интересен. Или скажет «ты о чём?», что равносильно «нет», которое вовсе не означает, что он не Плутарх. Или посмотрит презрительно и промолчит. Тогда моё лицо точно не удержится на положенном месте, скользнёт на пол с бумажным шелестом, и кто-нибудь обязательно наступит. Самурай после подобного позора сделал бы сэппуку, рыжая метательница кинжалов дала бы обидчику кулаком в челюсть, но настоящая Полина – <против насилия. Ей проще оставить всё как есть. >

Да! Пусть будет как есть! Я не обязана совершать поступки, вести беседы, раскрывать тайны. Переживать не о чем. Само наладится.

Это замечательное «само наладится» грело до обеда пятницы. А потом я пошла в гардероб, сняла сменку, надела ботинки, натянула пальто, забросила рюкзак на плечо, сунула руки в карманы и нащупала записку.

Тетрадный листок с красной линией, отгородившей заповедные поля. Почему-то долго смотрела именно на эту предупредительную черту, которую нельзя нарушать, как границу между странами. И автор записки не нарушал. Его (её?) крупные буквы съёживались и лезли одна на другую, но за поля не выходили. Будто пишущий начал требовательным тоном, но к концу строки не мог сдержать слё-

зы.

«Ты Стоящая, я знаю. Напиши им, что пусть хоть живут, хоть разводятся, только не дерутся больше. Что пусть меня не трогают! А если лезут ко мне со своими нервами, то я тоже могу решать. И я решаю, чтобы всё было как раньше. Почему из-за них должны страдать другие, напиши им!»

Я растерянно топталась между вешалками и думала о черте, которая не пускает детей в личную комнату родителей. Тот, кто оставил послание в моём кармане, ещё не в курсе, что никогда за неё не шагнёт, что пора взрослеть. Но ему хотя бы известно, к чему готовиться. А я до сих пор лишь смутно предчувствую разлад в своём доме. Потому что после первого же вопроса Жанна стала вежливо-уставшей. Опять. А папа не выходит на связь. Да и нет у меня навыков доверительного общения с папой. И спрашивает всегда он. Например, так: «Случайная судьба?»

Хм... жребий?

Жанна объявила, что у неё большой заказ, и спряталась в своей комнате, как в бункере. Я изредка носила ей кофе и бутерброды, она рассеянно благодарила, брала, жевала не глядя. И печатала, печатала, печатала.

У меня тоже не было лишнего времени. В школе начались контрольные, да и блог требовал постоянного внимания. Приходилось чуть ли не круглосуточно отслеживать ругань, блокировать неадекватов. Плюс статьи. Я продолжала их писать, хотя комментаторам было не слишком важно, на какую тему высказываться. Они словно выходили на площадь и выплёскивали наболевшее. Кричали в толпу, в меня, в пустое небо.

Родственники постоянно попрекают двоюродной сестрой Юлей. У неё фигура хорошая, голос тихий, успехи, победы, пианинка, спасение бездомных котиков. Короче, от неё сияние исходит. Я – позор семьи и всё такое, а вот Юля... Юля-Юля-Юля! Ненавижу, хоть она не виновата. Ясно же, почему меня достают. Просто у её родителей денег больше, чем у моих.

Самая идиотская фраза – будь мужиком. Если перевести на русский: заткнись и скройся. А при посторонних изобрази качка из Марвел, но потом всё равно заткнись и скройся.

Мама рассказывала, что, когда у бабушки умер первый ребёнок, она немного двинулась. То есть бабушка решила, что детей нельзя любить, иначе их бог заберёт и будет больно. Поэтому моего отца она не любила, никогда не обнимала, а наоборот, сурово воспитывала. А я должна его понять и пожалеть, ведь в детстве он был несчастным из-за бабушки. Только я не собираюсь никого понимать. Что теперь, ему можно над нами издеваться? А потом мы с братом своим детям скажем, что бьём их потому, что нас папа не любил. А наши дети скажут: ну ок, это нормально. И своих станут бить. И так до бесконечности?

Слушайте, мне не пять лет, чтобы везде за мной таскаться <и следить. На всех друзей досье завели, выносите мозг, кто мне> подходит, а кто нет. Названиваете по сто раз в день. И друзьям названиваете, и их родителям. Они скоро шарахаться от меня начнут. Это маньячество, настоящее сталкерство! Не надо мне добра желать, тошнит от вашего добра. Закончу школу и сразу свалю подальше!

Мать никогда не защищает. Кто угодно может пожаловаться, и всегда я виноват. Она сразу извиняется, даже если сама видит, что я не при делах. Унижается перед всеми, типа я недоразвитый какой-то. Противно.

А я – умничка. Что ни сделаю, всегда умничка. Могу поспорить, если скажу родителям, что забеременела неизвестно от ко-

го, они ответят: умничка, помой руки и давай обедать. Так и тянет накосячить по-крупному, чтобы на нормальных людей стали похожи.

Хватит говорить, что я уже взрослая! Я не взрослая, мне пятнадцать всего! Если родили себе младенца, это не значит, что у меня всё отлично и помощь не нужна. Ну не могу я сама идти в эту дебильную поликлинику, разбираться с этими записями к врачам и с анализами. Кровь боюсь сдавать, не могу даже в кабинет зайти. Они там все смотрят на меня как на тупую, а мне страшно!

Сначала бабушку с дедушкой ругают, весь вечер гостям рассказывают, какие они гады, как с квартирой обманули и отписали её маминной тётке, а потом наезжают на нас с братом, что в гости ехать не хотим. Говорят, ну это же ваши бабушка и дедушка, надо их любить. Л – логика.

Я как раз закончила просматривать комментарии, когда скайп сообщил о входящем вызове. Папа! Нажала «принять», и экран превратился в окно. Вроде стеклянной перегородки, какие показывают в фильмах про тюрьмы, когда у героев свидание. Папа настороженно выглядывал из бороды и молчал. Я тоже молчала – просто не знала, с чего начать. А потом зачем-то помахала ему рукой, как президент на параде. Папа тоже поднял руку, но тормознул её у лица, пощипал себя за ухо и сказал:

– Привет. Мама далеко?

– Привет. С утра дома была. А что?

– Не могу дозвониться.

– Она много работает, уснула, наверное. Хочешь, схожу посмотрю?

– Хм, нет. Не надо. Не срочно.

И снова тишина.

– Ладно, тогда... – начал папа, и я поняла, что он сейчас сбежит.

– Стой! Я тебе тоже звонила, а ты не брал. Ты где? Во Владивостоке? Почему так долго? У тебя что-то плохое случилось?

– Полина...

– Когда приедешь? Ты ведь скоро приедешь? Не позже Нового <года? >

– Полин...

– Мама говорит, что не знает, но ты же знаешь? А если...

– Всё, батарея села, – папа потянулся навстречу мне, потом изображение пару раз дёрнулось и пропало.

И как это понимать?! Ещё бы карандашом по микрофону постукал, имитируя помехи. Подобное тоже было в каком-то фильме. А нам нужно поговорить! Серьёзно! Это если киногерой или киногероиня заявляет, что «нам нужно серьёзно поговорить», понятно – сейчас будут разборки, – но вот нам действительно нужно. Не для выяснения отношений, а просто. Для жизни, для нас. Сложность в том, что мы не умеем или не хотим разговаривать. И, судя по моему блогу, не только мы.

Как я и думала, Жанна спала. Одета, свернувшись калачиком

на самом краю их с папой двуспальной кровати. Скорее всего, прилегла ненадолго и вырубилась. Монитор её ноутбука погас, в чашке – холодный кофе. Я достала плед из шкафа, легонько укрыла её и уже на пороге услышала сонный голос:

– Уже утро?

– Нет, вечер. Прости, что разбудила.

– Ничего. – Жанна повернулась на другой бок и пробормотала: –

Свет погаси, пожалста.

– Папа звонил.

– Что хотел?

– Не сказал.

– А... надо съездить... к нему... потом.

Я вышла и задумалась. Интересно. Жанна всё-таки собирается во Владивосток? Но её слова прозвучали так, словно речь о нескольких станциях метро. А если во Владивосток, то я тоже поеду? Это же будет надолго, минимум на неделю. Неделя без Римского. Вдруг вспомнилось, как он вошёл в класс сегодня утром и сразу посмотрел на мою парту, будто хотел удостовериться, что я на месте. Мгновение, можно было не заметить, но я заметила. А он сразу повернулся к окну, к Лунге. Такая мелочь; почему я об этом думаю, тем более сейчас? Он мне не нравится, просто не может нравиться! Всё дело в Плутархе, это только любопытство. Это... кого я обманываю? Конечно, нравится. Не просто так я слышу голос Римского в комментариях. И каждое его слово – вроде коробки с секретом. С персональным многозначительным секретом, который только для меня. Глупая мечтательница Полина, вот увидишь, добром это не

кончится.

В любом случае, не хочу никуда ехать. Не то чтобы я перестала беспокоиться о Жанне и папе, нет. Но, похоже, и у меня появилась отдельная комната. Совсем маленькая, меньше кладовки, но другим туда вход запрещён. И я должна оставаться дома, чтобы стаскивать туда свои сокровища – его мимолётный взгляд, поворот головы, тень на парте; лёгкий запах дезодоранта и мятных пастилок, когда сталкиваемся в дверях; смех, когда болтает с другими; привычку крутить верхнюю пуговицу рубашки, когда отвечает у доски. Будто всё это моё. И никто, никто не запретит мне мечтать. Главное, удержать лицо. И продолжать ходить в школу.

К проблемам в школе я была готова. Какая может быть учёба, <если всё время хочется спать, а последние пару недель стали одним> большим пробелом в знаниях.

Тревогу забила физичка. Из-за отметок – или напряглась по поводу моего сомнительного поведения на её уроке. Да, скорее второе. Ведь для остальных учителей я ещё была отличницей с компьютером вместо головы – спасибо великой силе инерции. В любом случае, физичка попросила задержаться для доверительной беседы. Я ожидала расспросов о семье и самочувствии, но она не стала отвлекаться на реверансы: «Полина, всем тяжело, я понимаю. И не хочу на тебя давить. Но самостоятельную надо переписать, сама видишь, она никуда не годится. Возьми домой. Там пометки простым карандашом, чтобы тебе было проще. Подожди, послушай. Ты и без меня в курсе, насколько важно удержать планку в этом году. Я на твоей стороне, но у тебя слишком хорошие оценки, чтобы наплевать

на них из-за... других интересов. Надеюсь, мы друг друга поняли».

Аттракцион «Удивительное рядом». Мало того что фактически переписала за меня самостоятельную, так ещё намекает. Или это опять моя паранойя? А вообще, без разницы. Надоело. Переделаю, сдам завтра и забуду.

Уроки давно закончились, только дежурные ещё убрали в некоторых классах. Тихий коридор, гулкая лестница. Гардеробная просматривалась насквозь, ряды пустых вешалок щетинились крючками, и казалось, что я внутри скелета громадного динозавра. Затерянная в рёбрах. К чёрту самостоятельную, приду домой и посплю, пока окончательно не свихнулась. А в карманах пальто пусто. Я теперь всё время их проверяла, но сама не знала, чего жду. Сообщения о том, что благодаря моей статье чьи-то родители передумали раз- >водиться? Типа молодец, Полина, не напрасно сотрясаешь воздух? Ага, щас.

Надо забыть о чужих переживаниях. Надо обязательно поспать. Надо поскорее добраться домой и рухнуть в кровать, чтобы... но они стояли возле школьной калитки, и незаметно проскочить не удалось.

– О, Полина, а ты чего здесь? – шагнула мне навстречу Ксю.

– Физичка задержала.

– Ага, ясно. Мы собираемся в кафе. Пойдёшь?

Я глянула ей за спину. Римский со скучающим видом набирал текст в телефоне, Лунга сосредоточенно наблюдал за стайкой девочек на спортплощадке. Не замечала за Ксю и этими двоими особо тесных отношений, но раз так совпало, можно и сходить. С Римским. В кафе. Сидеть за одним столиком, обсуждать что-нибудь или про-

сто быть рядом – фантастика! Только наверняка выдам себя. Я же в присутствии Римского больше мычу, чем говорю, и двигаюсь как неуклюжая корова. Нет, лучше держаться на расстоянии, безопаснее. Поэтому:

– Времени нет. Мне ещё самостоятельную переписывать.

– По физике?

– Угу.

– Попросим Римского, он разбирается.

Римский услышал свою фамилию и поднял голову:

– Что?

– Поможешь Полине с физикой?

– Ну-у-у...

< – Я могу, – Лунга подошёл ближе, скользнул прозрачным взглядом. С чего бы? На самом деле хочет подружиться или для друга старается? Допустим, Римский что-то ко мне чувствует, но тоже пока не готов сократить дистанцию, и его верный товарищ берёт наведение мостов на себя. Может такое быть? Закатай губы, Полина! Вероятность, что ты права, – один процент из тысячи. Слишком большой риск окончательно испортить себе жизнь. >

– Сама справлюсь, спасибо. Пока!

Я крутанулась на пятках и рванула прочь.

– Ты куда? Остановка в другой стороне! – крикнула вслед Ксю.

– Не важно.

Если исходить из того, что Земля круглая, действительно не важно. Ведь, куда ни беги, вернёшься в начальную точку. Так и вижу нарисованный круг, а я – палка-палка-огуречик – шагаю по лесам, го-

рам, пустыням и морям. Идти по воде очень просто, надо лишь уверенно наступать всей подошвой, любой маленький ребёнок подтвердит. Только стоит ли пускаться в путь, если в итоге окажешься на том же месте? Стоп, это взрослые сомнения, а детство в будущее не заглядывает, оно мудрое. Оно знает, например, что можно упасть с любой высоты и не разбиться. Всего-то лети ногами вниз, чтобы за миг до того, как превратишься в лепёшку, оттолкнуться от земли и подпрыгнуть. Так что ни обрывы тебе не страшны, ни океаны, отважная путешественница. Но ты, наверное, совсем выросла, раз добрела до ближайшей станции метро и передумала. Променяла кругосветку на Русину общагу. И хоть бы позвонила заранее, дурочка.

На стук отозвался Самат:

– О, Поинка. А Руслана нет.

– Я подожду.

– Он работает сегодня. Поэтому...

Самат изобразил огорчение. Я замялась, размышляя, куда теперь – в Русину кофейню или домой.

– И кого ты там прячешь? Опять, да? – слышался из комнаты ленивый женский голос.

Самат дёрнулся в сторону, но через мгновение взял себя в руки и широко распахнул дверь:

– Сестра Руслана, к нему пришла. Заходи, Поинка, не стесняйся, познакомлю тебя с моей...

– С твоей? Ну-ну, помечтай, – жёстко усмехнулась белобрысая девица. Она сидела у стола, положив ногу на ногу; короткий атласный халатв крупных розах прикрывал совсем немного, и первое, что

бросалось в глаза, – мясистые бледные бёдра. Второе – татуировка в виде узорного браслета на широкой щиколотке. Девушка откинула со лба длинную чёлку и прищурилась на меня:

– Чего на пороге жмёшься? Не укушу, не бойся.

– Чаю хочешь, сердце моё? – включил дамского угодника Самат.

– Эти помои только врагам предлагать, – белобрысая взяла грязную чашку, показала мне несколько использованных пакетиков, потом встала и рывком открыла окно. Высветленные, словно капроновые локоны взметнулись на холодном ветру. Она высунулась на улицу, не обращая внимания ни на лютый сквозняк, ни на задрывшийся халат, размахнулась и закинула пакетики на ветку вяза:

– Бинго!

Самат промолчал, я тоже. Мы трое смотрели друг на друга, и воздух едва заметно гудел, как ток в розетке. Неправильное тягостное ощущение.

– Ладно, мне пора, – девушка одёрнула подол и потуже затянула пояс. Проществовала к выходу, бросила Самату: – Развлекайся.

Он не стал отвечать. А когда хлопнула дверь, жизнерадостно улыбнулся:

– Всё-таки включу чайник. Для Полинки у меня хорошая заварка есть.

– Не надо, я ненадолго. Извини, не хотела мешать.

Самат воровато покосился на дверь. Захотелось немедленно уйти, но не оставлять его по-хамски, а улигнуть мягко, оправданно.

– Да брось, – снова блеснул улыбкой Самат. – Это у нас постоянно, с первого курса.

– Она ревнивая, да?

– Нет, просто не получается. Сходимся, расходимся. Забудь, короче.

– Уже забыла. Слушай, мне правда надо домой.

– Угу, забегай, когда время будет.

Я покивала и с большим облегчением рванула из комнаты, но на пороге задержалась:

– А если вы расходитесь и знаете, что так будет, зачем опять начинаете? Это же неприятно, когда тебя отвергают, разве нет?

– Очень неприятно, – легко согласился Самат. – Но дождь тоже неприятный, а отменить его нельзя. Это природа. И ноги всё равно будут мокрые, даже если взять зонтик. Такая фигня, Полинка.

< Вот же провидец. Не успела я отойти от общаги, как с неба ли- >
вануло. Зонта у меня не было, поэтому вымокла насквозь. Но ведь не смертельно, если не промёрзнуть до какой-нибудь пневмонии. Если вовремя забежать в тепло. Если знать, где это тепло.

Жанна невозмутимо набирала текст, словно я не стояла позади и не гипнотизировала её затылок. Пальцы легонько касались клавиш, которые отзывались едва слышным потрескиванием. Вот это скорость! Давно, ещё в студенческие годы, Жанна окончила курсы машинописи. Сейчас печатную машинку днём с огнём не найдёшь, но навыки пригодились.

Она пробовала научить и меня, но я не способна контролировать десять пальцев одновременно. Слишком утомительно. Да что десять, не представляю, как люди водят машину – им надо смотреть <на дорогу и в то же время помнить о зеркалах, скоростях и педалях.> И ведь все справляются, только я – бестолочь. Или вот моя жизнь в последние пару месяцев. Почему, когда думаю о чём-то одном, остальное вываливается из головы? Терпеть не могу это омерзительное чувство, словно вечно опаздываю. Упускаю важное. Стою на самом краю, и он медленно, но неуклонно осыпается мелким песком. На краю, ха!

Жанна сделала паузу, потянулась, выпрямилась. И снова тихий треск.

С чего начать?

Я откашлялась. Ноль реакции, печатает.

Тогда я подошла к стеллажу с книгами и взяла фотографию в рамке. Вовсе не семейный портрет, как у большинства людей, а дикая груша. Жанна сделала этот снимок прошлой осенью в горах. На

пологом склоне одинокое дерево с пышной кроной, и крона эта снизу жёлтая, к середине оранжевая, а верхушка – алая с бордовым. Градиент, так это называется. Все оттенки пламени. Чудо. Жанна остановила машину и долго смотрела издали. А потом сказала: «Это и есть поэзия. Это дерево. Я сделаю фото, но оно мало что передаст. Сохранить подобное можно только с помощью гениальных слов. В идеале – хокку. Хокку – суть поэзии, её душа». В тот день мы и запланировали поездку в Японию. А по возвращении домой Жанна подарила мне сборник хокку с самураем на обложке. У этих коротких стишков много общего с папиными сканвордами. Их тоже надо разгадывать.

Я всмотрелась в фотографию. Да, просто картинка, неживая. <Рамка выскользнула из рук, с громким стуком упала на пол, но Жанна не обратила внимания.>

Ладно. Пойду на «вы» без предисловий.

– Мам, я сегодня видела папу.

– По скайпу?

– Нет.

– Приснился?

– Я видела его на улице, возле нашего дома.

Проняло! Она прекратила печатать.

– В каком смысле?

– В прямом. Он завернул за угол, там, где парковка; я растерялась и не окликнула. А когда пошла туда, его уже не было.

Жанна не пошевелилась, только шея сзади немного покраснела.

– Ты уверена?

– Ну, не совсем. Сначала была уверена, но всё произошло слишком быстро. И он ведь не может здесь разгуливать, он во Владивостоке. Или нет?

Молчание.

– Мама? Посмотри на меня, пожалуйста.

Медленный поворот головы, усталые воспалённые глаза, лицо отёчное, нездоровое. Она тоже почти не спит и теперь выглядит на свои сорок. Зачем Жанна загоняется работой до полного изнеможения? Первый марафонец добежал куда послали, но почти сразу упал и умер. Надо увести её от ноутбука, в парк, на свежий воздух.

– Полина, о себе я могу рассказать что угодно. Но о других людях – нет. Просто поверь, у нас всё в порядке. Ты же мне доверяешь?

Хороший вопрос. Нет, с недавних пор не доверяю.

– Да, доверяю.

– Вот и хорошо.

Нет, не хорошо! Давай-ка проясним.

– Значит, я обозналась?

Жанна потёрла глаза:

– Зрение садится, надо капли купить. Уже вполовину снизила яркость монитора, но глаза всё равно сохнут. Сходишь в аптеку?

Всё, перепрыгнула на другую тему, ничего теперь не добыю. Бесит. Я подняла рамку с фотографией и поставила на полку. Я – самурай и не сдамся, просто сделаю вид, что отступила.

– У меня одно условие. Отстану насчёт папы пока что, но в аптеку пойдём вместе. И поедем где-нибудь. Выворачивает уже от бутер-

бродов.

– Но работа, Полин.

– Но обед, мам!

– А если на дом заказать?

– Не хочу. И давай Русе позвоним? Сто лет не виделись, может, поест с нами. А то ты совсем забыла, что у тебя имеются почти сын, дочь-подросток и материнский долг. Знаешь, я тут у популярной блогерши прочитала, что одно из самых больших родительских заблуждений – считать взрослых детей полностью самостоятельными. А им, детям, именно в подростковом возрасте нужны внимание, сочувствие и поддержка. Что скажешь? По-моему, здравая мысль.

Жанна глянула с недоумением, потом нахмурилась, а потом рассмеялась.

– Ну ты и пролаза, Полина! У популярной блогерши, значит? Боже, кого я вырастила?!

– Достойную смену?

И мы рассмеялись уже вдвоём. Это очень здорово, когда люди могут вместе посмеяться. Это похоже на любовь. Не на романтические вздохи, а на нечто родственное, крепкое. Любой чужак становится близким после общего смеха. Так мы молодеем и становимся красивыми. И не одинокими.

Вечером я поразмышляла об этом в блоге. Полистала комментарии, послала Плутарху миллион воображаемых поцелуев и занялась школьным сочинением. Как же устарели эти инфантильные помещичьи драмы! Спокойно, Полина, наглость и словарь синонимов помогут даже тем, кто не читал, но осуждает. Жанна ерунды не посо-

ветует. Жанна, Жанна... как тебя разговорить? Фиг бы с ними, с экзаменационными задачами, эта посложнее будет. Вызов покруче блога. Но я найду решение.

У нашей классной Веры Сергеевны, которую мы между собой зовём только по отчеству, в общем-то, невредный характер. Безобидный. И всё же иногда она перегибает. Вроде умная, но на полном серьёзе считает школу вторым домом, а себя – святой наставницей. Наверное, возраст сказывается, комплекс бабушки. Мы привыкли. Когда она впадает в сантименты или ударяется в морализаторство, просто не слушаем. Раньше не слушали, но теперь что-то сдвинулось.

Невыносимо раннее утро, темень в оконных стёклах, и на её фоне отражаемся мы – размытые пятна за партами. Белые трубки потолочных ламп светят ярко, но нам нужно настоящее солнце, чтобы проснуться. Благо не приходится напрягать мозги: Сергеевна снова превратила урок в классный час. Начала с отметок за последнее сочинение, но тут же съехала на экзамены и всякую лабуду о нашем великом будущем. Понятно же, что у неё собственный шкурный интерес, зачем прикрываться заботой об учениках? Типа мы не в курсе, что успеваемость класса влияет на учительский рейтинг, зарплату и прочее подобное. Некоторые взрослые совсем как дети. В смысле наивности.

– Полина! – это она мне? – Полина, будь добра, спустись с небес.

– А? Вы о чём?

– Я о том, что уровень класса заметно снизился. А лично твой, Полина, катастрофически плох! Ничего не хочешь сказать?

– Э-э-э... нет.

– Встань, когда разговариваешь с учителем.

– Ой, сейчас.

Я растерялась потому, что была сонной. А ещё потому, что никогда не стояла вот так перед всеми – у педагогов не было причин бодаться с примерной ученицей. Край парты упёрся в правое бедро, но я не двигалась, не пыталась встать поудобнее. Будет синяк. Зато боль хоть немного прояснила мысли. Сергеевна тоже поднялась, сложила руки на животе (поза «добрый пастор») и смерила меня долгим огорчённо-сочувственным взглядом. Если планировала смутить, не вышло. Подумалось о драматичной МХАТовской паузе, и воображение тут же напялило на Сергеевну костюм бедняжки Дездемоны. Ох уж это воображение.

Я усмехнулась. Сергеевна моргнула и насупилась.

– Не вижу повода для веселья, – сухо заметила она.

– Я тоже, – согласилась я.

Её подозрительный взгляд (ты мне дерзишь?) встретился с моим невинным (разве вы не знаете, что я хорошая девочка?). Забавно.

Опять пауза, и новая попытка:

– Всё очень плохо, Полина.

Я взяла самоотвод и пропустила реплику. Пусть раскроется, тогда и решу: метать кинжалы или спастись бегством.

Она поняла, что ответа не будет, и осторожно продвинулась

дальше:

– Ты меня очень беспокоишь.

Тишина в классе стала заинтересованной.

– Твоё сочинение... – печальный вздох.

– А что с ним?

И снова сожалеющий взгляд. По законам сцены мы явно приблизились к ключевому моменту. Её следующая фраза должна быть ударной. Я мысленно подобралась, и... вот оно!

– Четыре-три. И то с большим минусом. Вероятно, интернет отнимает все твои силы. Да, Полина? Там ты гораздо внимательнее. Там грамотность на отлично, содержание спорное и даже сомнительное, но мысли формулируешь чётко. Никакой воды. Вот бы на уроках увидеть подобное рвение. Но нет. Писульки в блогах для тебя важнее, не так ли?

Я шумно втянула воздух, как бывает, если схлопотать удар кулаком в живот. Это подло! В голове завертелись десятки ников моих недоброжелательниц – который из них принадлежит Сергеевне? Ведь сочинение – только повод. Уверена, она давно собиралась выставить Стоящую на краю идиоткой и даже не пытается скрыть довольной ухмылки. А я стою перед ней слабая и жалкая, перед всеми, перед Римским. И сказать бы презрительно «ну и что?», но губы словно склеились. Сейчас мои милые одноклассники выйдут из ступора и набросятся всей толпой. Она им поможет, где надо припомнит мои необдуманные высказывания, исказит, перекрутит. Нет, никакой агрессии, она сделает меня смешной. Это совсем не травля, а дружеское подшучивание в воспитательных целях. Я судорожно вце-

пила в край парты и услышала:

– Я думаю... – Катя осеклась, покрутила в пальцах шариковую ручку и повторила твёрже: – Я думаю, что блог намного важнее сочинения.

Сергеевна продолжала улыбаться, Катя ей не соперник.

– Вот как? И почему, позволь поинтересоваться?

Прозвучало это довольно едко, но Катя не испугалась. Она спокойно встала и ответила, тщательно подбирая слова:

– Блог важнее, потому что там про настоящие трудные ситуации. Там правда, а не выдумки. Книжки и сочинения тоже нужны, но придуманного много, а мы хотим обсуждать правдивые вещи. Вот почему.

< – Как же тебя легко обмануть, – сладко протянула Сергеевна. – >
Не путай правду с дешёвой манипуляцией. Разве делать взрослых врагами и подбивать вас на ненависть – это достойно?

Возмущение окатило меня жаром и вернуло способность говорить:

– Я не подбивала!

– Да? Почему же тогда под каждой твоей статейкой настоящие битвы? Побойща! Столько злобы!

Так и есть. Моя вина. Я просто всё пустила на самотёк и старалась лишний раз не обращать внимания. А теперь ткнули носом, и правильно. Так мне и надо.

– Вот именно, злоба и тупость, – развязно протянула Ксю. Она не потрудились подняться, наоборот, демонстративно развалилась на стуле. – Потому что взрослые не могут с нами разговаривать по-

нормальному, сразу начинают наезжать. Им правда глаза колет.

– Да нет там никакой правды! – начала накаляться Сергеевна. – Как вы не понимаете, нет!

– Ну здрасте! – донеслось с последних парт. – Я там каменты пишу. Что я, вру, по-вашему?

– И я пишу!

– Я тоже иногда! Хоть где-то можно высказаться!

– А вы возмущаетесь, потому что в интернете не можете нас заткнуть.

– Да, это не ваша территория.

– Где нам ещё рассказать о своих проблемах?

– Как где?.. Мне расскажите... Школьному психологу... – похоже,

«Сергеевна реально разволновалась, она даже протянула руки к»
классу.

– Психологу, серьёзно? – хохотнул кто-то.

– А что, у нас психолог есть?

– Ага, мы же тесты с ней писали по профориентации, только ты в тот день прогулял.

– Есть, есть. Молодая совсем.

– Да, психологичка ничего так, я бы к ней сходил, рассказал свои сны по Фрейду.

– Фу! Только нам не рассказывай!

– Это когда банан – просто банан?

– Да хватит уже!

Они галдели, галдели, хихикали, галдели и хихикали, а мы продолжали стоять. Я и Сергеевна. Катя села сразу, как только закончи-

ла говорить. Остальные и вовсе не поднимались. Но мы с Сергеевной словно несли дозор – стойкие оловянные солдаты из разных игрушечных армий. Потом она чуть качнулась, медленно опустилась на своё место и склонила голову над раскрытым классным журналом. Моё горло сжалось, стало наполняться горячим и вязким. Только не плакать! Надо срочно что-то сделать, надо заставить их замолчать. Но я не смогу.

Смог Римский. Ему было достаточно повернуться лицом к классу, чтобы все стихли. Меня он будто не замечал. И Лунга тоже – всё чиркал в тетрадке и делал вид, что наши разборки его не касаются.

– Вера Сергеевна, я понимаю вашу позицию насчёт блога Полины, – Римский говорил с явным сочувствием. Неужели он за неё? –
<Но согласитесь, это прекрасная идея. Речь ведь не об одном блоге,>
а о двух. Благодаря им у нас есть возможность выслушивать обе стороны – мнение родителя и мнение его взрослого ребёнка. Кроме того, мы можем делиться своими соображениями и просить совета. Другое дело, что люди в массе не способны вести разумный диалог, но разве это вина Полины? Да, в комментариях больше оскорблений, чем здравого смысла, но это нормальный процесс для интернета. Особенно когда обсуждаются неудобные вопросы. И нужно быть отважным человеком, чтобы такие вопросы поднимать. Поэтому я считаю, что Полина заслуживает снисхождения.

Римский замолчал и только сейчас посмотрел на меня. Взгляд его был пустым. Ноль целых и ноль десятых тепла, одна сотая ожидания: теперь моя очередь, я должна ответить. Изобразить актрису перед сотней фотокамер во время вручения статуэтки «Оскар». При-

жать ладони к груди и выдать какое-нибудь трогательное «Спасибо, что оценили меня по достоинству, друзья!». Но слов не было. Я подумала, что ужасно неловко, когда тебя вот так публично обсуждают. Что больно, когда отказывают в улыбке. Что чернота за окном сменялась пасмурной серостью. Что я устала.

– Вера Сергеевна, можно уйти?

– Выйти?

– Нет, уйти.

– Полина, тебе нехорошо?

– Да. Наверное. Можно, пожалуйста?

Сергеевна кивнула. Покидая класс, я задержалась у её стола, чтобы тихо сказать: «Простите». Без понятия, за что извинилась. Само вырвалось.

Я вернулась домой, где было тихо и безопасно. Пусто и одиноко.

Слишком рано вернулась, Жанна ещё спала.

Оставила школьный рюкзак в прихожей рядом с грязными ботинками, уселась в кухне, сгорбилась над чашкой и долго наблюдала, как, подёргиваясь тонкой маслянистой плёнкой, остывает чай. Щёки и лоб чуть покалывало. По ощущениям – вроде стоматологической анестезии, когда она начинает слабеть. Отпускать. Меня отпускало. Из школы топала совсем пустая, без мыслей и желаний, это было даже приятно. А теперь они возвращались. И страх. Страшно от того, как всё закрутилось. Я не разгребу этот завал, слишком он стал огромным.

Потом спала. Потом приставала к Жанне, потому что есть разго-

вор, но она была занята. Потом она снова была занята. И снова.

Я включила компьютер, открыла блоги, её и мой. Бесцельно листала статьи, переходила со страницы на страницу. Как всё это глупо. Но они сказали, что мы даём возможность высказаться. Что это хорошо и полезно. Вроде трибуны или открытого микрофона. Ну что ж...

Курсор мигнул в поле для комментариев под последней статьёй Жанны. «Поговори со мной», – написала я. Когда она удалила мою просьбу, написала снова: «Поговори со мной».

Поговори со мной.

< *Поговори со мной!*

>

Поговори!

Мама, поговори со мной!

Малолитражка Жанны целую вечность кружила по спальным районам. Когда смотреть в окно надоело, я откинулась на спинку кресла и задремала. А когда остановились у переезда, не смогла сообразить, где мы – в городе или уже за его чертой. Вокруг сосны. Высокие, со стройными розоватыми стволами и тёмными мохнатыми макушками у самого неба. Бесконечные ряды сосен. Колдобистая асфальтовая дорога ещё с полчаса попетляла между ними и упёрлась в закрытые ворота.

Жанна оставила машину чуть в стороне от въезда и повела нас <к боковой калитке. Охранник в чёрной форме пропустил без вопро- >сов, и мы вышли на длинную аллею: те же сосны, тот же зернистый растрескавшийся асфальт, а впереди серые двухэтажные корпуса, похожие на крымские санатории советских времён. Они выглядели неуютными и даже немного зловещими. Возможно, из-за низких туч и накапывающего дождя. Но сколько я ни силилась, так и не смогла представить погожий день в этом тоскливом месте. В этой пустоши, где не видать ни человека, ни птицы.

– На фотки Припяти похоже. Тут любой умом тронется, – пробормотал Руся.

– Это только кажется, – бодро отозвалась Жанна. – Очень неплохая клиника. А пахнет как хвойно! Чувствуете?

Мы шумно приняхались. Ну да, пахнет, и что?

– Кстати, – Жанна остановилась, и нам тоже пришлось, – давай-

те раз и навсегда запомним, что никто умом не трогался. Просто небольшое расстройство, которое скоро пройдёт. Это не психдиспансер, ясно вам?

– Да ясно, сколько можно повторять, – огрызнулась я.

– Просто неудачно выразился, – совсем поник Руся.

Мы нервничали. Конечно, нервничали. Но сами напросились, так что надо успокоиться. И Жанне надо, её суетливый энтузиазм ничуть не лучше нашего замешательства.

– Может, немного посидим, настроимся? – предложила я, когда мы поравнялись с круглой беседкой возле ближайшего бетонного корпуса. Такая сквозная беседка под остроконечной крышей, вместо стен – частые прутья, круговая лавочка, урны, табличка «Место для курения».

– Разве в больничках можно курить? – удивился Руся.

– Лечебные корпуса дальше, а здесь администрация. Им, видимо, можно. Знаете что? Посидите. Я сбегая уточню пару моментов, а потом дальше пойдём. Я быстро, – и Жанна рванула к зданию.

Мы с Русей стояли возле беседки и не знали, куда себя деть. Слишком непривычная ситуация. Меняхватило минут на пять. Переминаясь с ноги на ногу в ожидании неизвестно-пугающего было невыносимо, и я отправилась к соснам за шишками. Собирательство – древнейшее занятие, своего рода инстинкт, оно всегда успокаивает.

Руся увязался следом.

– Давай рюкзак поддержи.

Я сбросила с плеч школьный рюкзак, присела и принялась раз-

гребать прелые рыжие иглы, выискивая самую красивую шишку. Русины кроссовки беспокойно маячили рядом. Потом он тоже присел:

– Надо было в машине оставить.

– Кого?

– Рюкзак. Ты сегодня ещё и на уроках была?

– Нет, пока не хожу. Типа болею. Просто кое-что сюда принесла.

Ну, в рюкзаке.

– А-а-а... – Он встал, несколько раз обошёл беседку, вернулся и протянул мне горсть шишек. – Жанна задерживается. Позвонить ей?

– Торопишься?

– Не знаю... нет. Зачем тебе шишки?

– Просто. Соберу полные карманы, чтобы бросать на дорогу. Тогда мы не заблудимся, как дети в сказке. Возьмёмся за руки и выйдем из леса по шишечному следу, – попыталась пошутить я, но получилось уныло. Ладно, сменим пластинку. – А как Самат поживает?

– Нормально, что с ним станет.

Не скажи, Руся, люди слабее, чем кажутся. И жутко, когда сдают непробиваемые, надёжные, уверенные в себе люди. Если ломаются они, на что надеяться нам?

Озвучить это я не успела, потому что Жанна окликнула нас с крыльца уродливой бетонной коробки и призывно махнула рукой. Мы побросали совершенно бесполезные шишки и отправились дальше, мимо сосен-сосен-сосен, к безрадостным серым стенам. Потом нас засосало в чёрную дыру дверного проёма и вынесло в полумрак просторного холла с высокими потолками, паркетным полом и тусклой мозаичной картиной: суровые слоноподобные женщины в

медицинских халатах несут корзины с цветами и фруктами. Вот уж истинная психоделия. А потом были короткий коридор, свет и комната для отдыха. Она оказалась вполне ничего. Окна за невесомым тюлем, яркие плафоны, потёртые кресла, диван, большой аквариум с вялыми пятнистыми рыбами и такое обилие живых растений, что похоже на зимний сад.

– Располагайтесь, – по-хозяйски разрешила Жанна.

– А где...

– Сейчас придёт.

Я тяжело вздохнула. Руся хмыкнул. Он словно завязался в узел – сгорбился, закинул ногу на ногу и сцепил пальцы в замок на колене. Позавчера, когда мы с Жанной позвали его на семейный совет < и предложили навестить папу, он выглядел так же. >

Понятное дело, новости нас оглушили. Что значит «депрессия»? Депрессия – это всего лишь сезонная хандра и оправдание для нытиков. Что значит «панические атаки»? Только набивающие себе цену малолетки выдумывают подобные недомогания. Бред же. При чём тут папа?

Жанна призналась, что тоже так считала и до последнего не желала замечать папины трудности. Да и сам он предпочитал терпеть молча. Не спал, потому что ночами задыхался от необъяснимого ужаса, уговаривал себя, что виновато алкогольное прошлое, боялся сорваться и запить. Жанна не знает, как долго это тянулось. Скорее всего, много-много месяцев. Закручивалось постепенно, по нарастающей.

И даже когда папе становилось совсем плохо, к врачам он не хо-

дил. Ведь мужчины не плачут и не болеют, мужчины сделаны из титана. По этой же причине требовал скрывать своё положение от нас с Русей. И вообще от всех. Говорил: что за бабский диагноз?! И ещё: максимум через неделю вернусь домой, нечего обсуждать! Но это уже в клинике, а до того он на самом деле уехал во Владивосток, думал сменить обстановку и заодно вымотать себя новым филиалом. Эх, папа, правило о перемене мест слагаемых учат ещё в начальной школе, как ты мог забыть?

Недели на лечение не хватило. И двух, и трёх. Потому что депрессия – тяжёлое расстройство, а не слащавые картинки в интернете. Нет, Полина, папа не псих, это другое! Руслан, что ты несёшь, хоть Википедию почитай для начала! Ужасающая безграмотность! И < папа такой же, для него всё это стыдно. >

Когда Жанна закончила, я толкнула маленькую речь: «Хватит фигнёй страдать, мы семья. И папа тоже. Хватит, насиделся уже на обочине жизни, пока мы мотались по всему свету и ни в чём себе не отказывали! Теперь мы его не оставим!» Сказала и удивилась, до чего нелепо прозвучало моё выступление, не хватало только пафосной музыки на заднем плане. Жанна расстроилась: «Я очень виновата, слишком поздно поняла, что пора завязывать с поездками». А Руся сказал: «Надо ему яблок купить, или апельсинов, или что обычно в больницу возят».

Кресла и диван стояли вокруг журнального столика, а на столике лежал прозрачный пакет с ярко-оранжевыми апельсинами. Папа взял один, начал чистить; остро запахло солнцем и радостью.

– Хорошо, – похвалил нас папа.

Мы будто по сигналу разулыбались. Он уже минут пять как пришёл из палаты в комнату отдыха, но до сих пор молчал. Разглядывал рыб в аквариуме, а теперь вот – первое слово. Но, судя по его мрачному настроению, оно же – последнее.

Я перебирала в голове возможные вопросы, и все они никуда не годились. Как дела? Как себя чувствуешь? Тебе лучше? Жестокая насмешка. Болтать о школе, о блогах, обсуждать погоду? Какая чушь! Сказать, что скучаем? Не то, не то! Мы все словно забрели в дом к малознакомым людям и случайно попали на поминки. Когда-то я и Жанна испытали такое, нынешние чувства – не отличить: сбежать нельзя, сказать нечего, но и молчание делает тебя лжецом.

Папа чистил апельсин, мы следили за его руками. Ногти продавливали толстую пористую кожуру, снимали её мелкими обрывками, роняли горкой на стол. Брызгал жёлтый сок. От этого зрелища мой рот наполнился горечью. Когда кожура закончилась и папе стало нечего терзать, я открыла школьный рюкзак и достала из него стопку старых сканвордов. Тех самых, с кухонного подоконника. И чернильную ручку.

А потом мы разговаривали.

«Дом из снега», – говорил папа. «Иглу», – отвечала Жанна.

«Пожарная вышка», – говорил папа. «Каланча», – отвечал Руся.

«Камень, ножницы...» – говорил папа.

«Бумага!» – выкрикивала я, пока остальные не догадались.

И дальше, дальше. Мы разговаривали долго, целый толстый журнал.

Вечером Жанна выплыла из ванной в облаке ароматного пара, вся такая довольная, мягко-расслабленная, и сказала, что окончательно привела мысли в порядок. Сказала ещё, что у нас выдалась непростая осень, но всё поправимо. И что самое время для полной перезагрузки. Поэтому отменим дела и будем лениться.

– А как же твоя работа?

– Срочное закончу сегодня, остальное подождёт. Так что с завтрашнего дня никакой работы, никаких уроков, никаких блогов и соцсетей. Согласна? Будем отсыпаться, готовить, гулять, читать книжки <и смотреть старые фильмы. Чтобы не заболеть ненароком. Из-за> несделанной домашки никто не помирает, а от перенапряжения – просто.

– Ну не знаю.

– А ты представь, что мы уехали.

Я засомневалась – очень уж радикально. Но потом вспомнила холодный взгляд Римского. Да, он меня защищал, но свысока, будто судья проявил великодушие и оправдал мелкую мошенницу. Оказал милость. И если бы я не знала, что он – Плутарх, если бы не считала верным союзником, если бы не чувствовала интерес и симпатию за каждым его комментарием, то сказала бы: «Плевать, ты мне никто!»

Но я знала, считала и чувствовала. Поэтому, стоило подумать о Римском, наливалась обидой по самую макушку. Боялась, что ме-

ня разорвёт – так её много, – и почти слышала хруст костей, которые вот-вот сломаются от её напора. Почему? Почему такое пренебрежение? Наверное, я никогда ему не нравилась и виновата моя больная фантазия. Нет, наверное, он был вынужден притворяться в классе, что мы чужие. Ну вот, опять ищу Римскому оправдание. Как унижительно!

– Хорошо, сделаем перерыв, – сказала я Жанне.

Два дня мы отсыпались, отъедались и отлёживали бока перед телевизором, пока не случилось полное отупение от рекламных роликов и ток-шоу. Потом Жанна достала из шкафа фотоаппарат и произнесла речь о том, что ей очень не хватает поездок. Ведь главное в путешествиях – не конкретные места, а чувство дороги, кофе на заправках, случайные отели и знакомства. Движение, одним словом. Конечно, она понимает насчёт папы, денег... но скоро чокнется от этой нудной бытовухи. Все дни слиплись, не жизнь, а комок какой-то. Но да, она понимает и поэтому смирилась. А вчера подумала: мы уже много лет в Москве, но совсем её не знаем.

«Вот ты знаешь?» – спросила Жанна.

«Конечно!» – ответила я, но явно поспешила. Москва – это ведь не только наш микрорайон и топовые туристические места. Она необычайно большая. Некоторые европейские государства меньше, если верить интернету. Получается, я тоже не знаю Москву.

Жанна повеселела и объявила, что у неё есть план. И первым пунктом этого плана значился Новодевичий монастырь, точнее, его кладбище. Потому что в подобных местах всегда спокойно и можно приобщиться к живой истории (ага, живая история на кладбище). А

ещё Жанна сказала, что всякий, кто связывает свою судьбу с печатным словом, просто обязан поклониться месту упокоения Чехова. Ладно, почему бы и нет. Проще простого.

Но сколько мы ни бродили, нужное не находилось, а узкие дорожки никак не заканчивались: мрамор и позолота, серый камень, старый серый камень, очень старый серый камень, снова мрамор... я выдохлась. Жанна упрямо всматривалась в каждую надпись, но тоже устала и окликнула печальную тётушку. Спросила, как пройти к могиле Чехова.

«Деточки, какой Чехов?! – огорчилась та. – Я уже два года Гоголя найти не могу!»

Весь путь к выходу мы посмеивались, но тихонько, чтобы никого не обидеть. Два года – большой срок, наша цель не стоила такой жертвы. И вообще, «цели для слабаков, будем импровизировать».

Импровизация – второе имя искателя приключений. Мы исследовали парки, промзоны, кривые улочки, потаённые переулки в центре. Предпочитали старые особняки высоткам, зажатые со всех сторон церквушки – большим храмам, маленькие кофейни – ресторанам. Даже не возьмусь предположить, сколько километров протопали мои ботинки за эти дни. Но главное – мы путешествовали, и я почти забыла Римского. Задвинула подальше, заслонила видами города, оставила позади. Словно между нами реально пролегли сотни и сотни километров.

Он сам меня нашёл, объявился, когда Жанна воскликнула: «Приветствую тебя, мудрейший певец Вселенной!» Да, в ту самую минуту. Если бы я могла взглянуть на эту сцену со стороны, она бы

меня позабавила. Но я была внутри эпизода.

– Приветствую тебя, мудрейший певец Вселенной! – Жанна поклонилась портрету Рериха, раз уж Чехову не удалось. А я подумала, что музеи – это скучно, музеи с картинами – скучно вдвойне, но, когда Жанна вспоминает о Вселенной, лучше ходить по выставочным залам, чем продираться к дольменам через лесные чащобы. И только я об этом подумала, как телефон в кармане просигналил о принятом сообщении: «Привет. Ты надолго пропала, что случилось? Не против встретиться?»

Номер не определён. А вот подпись очень даже знакомая – из-за неё я моментально вспотела и на несколько ударов сердца забыла собственное имя. Он подписался «Плутарх».

< Я сразу поверила, что это действительно он. Мой номер взял в школе, написал о встрече и не передумает. Если соглашусь на свидание, обязательно придёт. Просто знала, что так и будет. Но отвечать не спешила. >

Стоящая на краю требовала немедленно назначить встречу. Полина тряслась и бормотала, что в суровой реальности Римский слишком великолепен для неё. Стоящая на краю заявляла, что пора покончить с комплексами и признать собственную великолепность. Полина советовала подойти к зеркалу, а после забиться под плинтус до конца времён. Стоящая на краю обзывала её рохлей. Надо было унять обеих, добиться внутренней тишины и уже тогда что-то решать.

Жанна крутилась возле стеклянной витрины в дальнем конце зала. Тем лучше.

Я немного постояла с закрытыми глазами, повторяя правильное дыхание Жанниной йоги, и двинулась по периметру. Разглядывала картины, надеялась увлечься, но все они были похожи друг на друга и незамысловаты. Думаю, многие смогли бы так нарисовать. И всё же эти картины не были какой-то мазнёй. Не знаю, при чём тут Вселенная, но они успокаивали. Розовое, голубое, лиловое и белое. Горы и небо. Жанна любит горы, Рерих тоже любил. А я?

Когда я была помладше, Жанна затеяла поездку на горнолыжный курорт. Правда, там очень скоро выяснилось, что спорт – так себе развлечение. Ну, или мы – так себе спортсменки. В общем, Жанна отказалась от лыж и уговорила меня на пешую прогулку в ближайшее ущелье. И вот мы с ней стояли на краю елового леса по щиколотку в снегу, а вниз от наших ног уходил не слишком крутой > склон. Длинный. Белоснежный. Гладкий. Необыкновенно мягкий на вид.

«Как же хочется скатиться!» – сказала Жанна.

«На чём?» – растерялась я.

«Просто скатиться. Смотри», – Жанна плюхнулась в снег, легла на бок и покатила с горки, оставляя глубокий след. Она крутилась как веретено и неслась вниз всё быстрее.

«Эй! Стой! А я?!» – конечно, Жанна не могла меня услышать. И конечно, я тоже легла на бок и покатила. Хотела бы сказать, что это было круто, но нет, не было. Просто хаотичное кружение, в котором ничего осознанного. Только мокрый холод за шиворот и прикушенный язык. Слишком быстро и непонятно. Но Жанне понравилось. Она лежала в сугробе под горкой и блаженно улыбалась туск-

лomu зимнему солнцу. Я лежала рядом и злилась. А когда повернула голову, увидела две траншеи, оставленные нашими телами. Словно порезы на идеально-прекрасной коже.

«Мам, там могли быть камни. Под снегом. Или яма», – запоздало дошло до меня.

«Угу, но ведь обошлось».

«Но ты не знала точно! Мы чуть не убились!»

«Не преувеличивай. Большинство опасностей – только в твоей голове. А без риска нет веселья, знаешь ли».

Да, иногда Жанна становилась слишком беспечной. Но сейчас я смотрела на снежные склоны Рериха и представляла, как бы мы с них скатились. Сразу, не раздумывая. А потом достала из кармана телефон и отправила сообщение Плутарху. >

– Ты посмотри, прелесть какая! – Жанна согнулась в три погибели над музейной витриной, кончик её носа упирался в запотевшее стекло.

– Где?

– Вот, справа. Потрясающе!

– Мам, это всего лишь старые кривые ножницы.

Она выпрямилась:

– Это ножницы из личного набора величайшего человека! Он их своими руками трогал!

– А мог – чужими?

Жанна вспыхнула, наставила на меня палец, открыла рот, чтобы отругать, но вдруг улыбнулась.

– Точно. Но если пофантазировать...

Пофантазировать я ей не дала:

– Слушай, у меня встреча сегодня. С парнем.

– О! – сказала Жанна. – И?

– Мне бы переодеться и всё такое. Это простая встреча, наряжаться не буду, но мы с утра бродим...

Жанна заверила, что поняла. Торопливо попрощалась с портретом Рериха и поволокла меня к машине. Всю дорогу домой она торжественно молчала, надеясь на подробности. Но делиться Римским я не собиралась. Это моя комната, Жанна, только моя. Пора уважать чужие секреты не только на словах. Смирись.

И она смирилась, не обиделась, даже не попросила вернуться пораньше.

< Сказала только: «Ты красивая, Полина, честно». И я поверила. >

Я нырнула в метро, словно в иной мир. Турникет поздоровался, мигнув зелёным, мол, рад тебе, скиталица. Я улыбнулась, и улыбалась каждому на встречном эскалаторе, хоть никто не замечал. Римского не искала. Зачем? Увижу его, когда спущусь на станцию и неспешно пройду к условленной скамейке. Наверняка он уже там.

А ведь действительно, чем не фантастический параллельный мир? Станции в центре не хуже дворцов. Подземные чертоги. Просто бурлящая толпа превращает их в помесь рынка и привокзальной площади. Но если отвести взгляд от мешанины тёмных курток, сумок, шапок, если поднять голову к потолку, увидишь вычурные люстры на множество ламп, фрески и лепнину. Просто мы не смотрим вверх. И на небо тоже не смотрим, и на кроны деревьев. Почти никогда. Но теперь я тянула время, не замечая локтей и спин тех, кто торопился. Разглядывала потолок, едва переставляя ноги. Сейчас заверну за крайнюю колонну, и морозный холодок в горле лопнет мыльным пузырьём. Сейчас закончится предвкушение. Мы встретимся, и я скажу ему...

– Привет. А... где Римский?

Я огляделась, отыскивая в толпе знакомое лицо. Какая досада! Зачем было тащить с собой друга, мы же не дети. Лунга тоже озадаченно повертел головой и спросил:

– Разве он должен прийти?

– В смысле? Он сам предложил встретиться.

– Правда? Зачем?

– Я публиковала статьи, он их комментировал, видимо...

– Римский никогда не писал в твоём блоге. Только читал. И то не всё.

Мы с Лунгой уставились друг на друга.

– Ты думала, что Римский – это Плутарх? – догадался он.

Ватной от накотившей слабости рукой я стянула шарф и растянула пальто. До чего душно. Повернулась к эскалаторам, которые словно по волшебству отдалились на огромное расстояние. Пробриться к ним через плотный человеческий поток будет непросто. Но я должна. Немедленно.

Лунга тронул меня за рукав, я неосознанно отшатнулась, а когда < посмотрела в его глаза, почувствовала укол совести. Он же не вино- > ват, что оказался собой, а не Римским. Почему же я хочу обозвать его обманщиком?

– Если у тебя к Римскому срочное дело, могу позвонить, позвать его сюда.

– Не надо.

Не надо, я не в счёт. Главное, что у него нет ко мне никаких дел. Всё это время я была пустым местом. Навоображала разной дичи, но при этом и помыслить не могла, что умным язвительным Плутархом окажется невзрачный Лунга. И пускай теперь заметила его высокий рост, широкие плечи, уверенную манеру держаться, не важно. Он не Римский.

– Слушай, я... спасибо тебе за каменты, рада была повидаться, но опаздываю в другое место.

Прозвучало это убогой отговоркой.

– Без проблем, – после недолгого молчания сказал Лунга. – Я понял.

Похоже, он действительно понял. Всё. Вот только большой вопрос, порадоваться или опечалиться. Вряд ли Лунге легче, чем мне. Решился на первый шаг, пригласил, и такой облом. Но что я могу? Он не Римский.

– Тогда пока?

– Да, увидимся в школе.

Вот так.

Прощай, Плутарх.

< Я прошла по платформе к месту остановки первого вагона, встала на предупредительную линию и посмотрела на рельсы. Как всегда. Только сейчас они чуть расплывались из-за подступивших слёз. Может, я не красавица и не самый душевный человек, но и не самый плохой. Я тоже заслуживаю счастья. Хоть маленького, хоть ненадолго. А получаю одни щелчки по носу. Почему ты смеёшься надо мной, Вселенная? >

– Я передумал. – Лунга подошёл со спины и встал рядом. – Провожу тебя.

– Это лишнее. Сама справлюсь.

– Ну, хотя бы подхвачу, если начнёшь падать. Не знаю, помнишь или нет, но у нас была одноклассница, которая упала с платформы. Она потом перевелась в другую школу. Это чудо, что грохнулась с такой высоты и только ногу сломала. Лучше отойди от края.

– Не отойду.

– Тогда у меня нет выбора, придётся остаться. На всякий случай.

– Делай что хочешь.

Мы смотрели на электронное табло и вместе с красными цифрами отсчитывали секунды до прибытия электропоезда. Подземный ветер шевелил волосы. Нарастал протяжный гул. И вдруг чернота тоннеля вспыхнула, сквозняк закрутился вихрем, на станцию вырвался длинный состав. Когда я вошла в вагон и заняла свободное место, Лунга опустил на соседнее.

– А теперь что? – окончательно разозлилась я. – Будешь следить, чтобы к дверям не прислонялась?

– Не буду.

И всё на этом. Ладно, чёрт с тобой. Сделаю вид, что тебя здесь нет.

Мрак сменялся светом, вагон то пустел, то заполнялся пассажирами, а мы ехали и ехали. На кольцевой можно не волноваться о конце пути.

Раньше вагоны были отдельными, отгороженными друг от друга, но в новых поездах перегородок нет. Я наблюдала, как после каждого поворота сквозной коридор состава увеличивается, словно растёт. Словно могучий змей распрямляет тело. А мы внутри. Ужасно маленькие и слабые. Во тьме, под толщей земли. Почему же нам не страшно? Спросить бы у Лунги, но тогда он заведёт интеллектуальную беседу, и отделаться от него уже не получится.

Вот он, плечом к плечу со мной – отражаемся в чёрном стекле

одинаково сутулые и грустные. Руки на коленях, вместо лиц – бледные пятна с тёмными провалами глаз. Будто две версии одного неудачника. Только он мужская версия, а я – женская. Мы похожи. Оба жалкие.

И если не истерить по пустякам, а спокойно поразмышлять – так ли необходимо от него отделяться? Не замуж ведь позвал.

– Ты хотел что-то узнать?

Лунга вздрогнул – видимо, уже не рассчитывал на разговор.

– Когда?

– Когда предложил встретиться.

– А, да. Хотел спросить, почему в школу не ходишь и в интернете не появляешься. Ты же после классного часа Сергеевны будто испарилась. Если это из-за неё, забудь. Все тебя поддерживают и ждут новых постов в блоге.

– Нет, дело не в Сергеевне.

– А что случилось?

– Много всего... но блог, скорее всего, удалю. Сергеевна тоже права. Подожди, дай договорить. Мне этот блог больше не нужен. Не хочу писать о том, что меня не касается. Я из-за матери начала, ей назло. Просто несла что в голову придёт, лишь бы народ побесить. Никакой я не борец за справедливость, понимаешь? Не надо считать меня смелой и равнодушной. Потому что это неправда.

Лунга потёр переносицу, совсем как папа, а потом вдруг легонько толкнул меня плечом:

– Вот ты загоняешься! Тяжело живётся, когда самокритичность зашкаливает?

– Угу, очень. Ладно, проехали.

– Не дождёшься. Кого интересуют твои причины? Назло или не назло, какая разница? Главное, что в итоге получилось. А получилась нужная штука. И кто бы что о тебе ни думал, забей. Чужие мысли – не твоя забота.

– Будем считать, ты здорово меня утешил. Закрыли тему.

– Почему?

– Потому что в советах не нуждаюсь. Сама решу, что делать дальше.

– Это было грубо, – и всё же Лунга улыбался. – А давай ты заодно решишь выйти из электрички и куда-нибудь со мной прогуляться?

Вот нахал! Человек-невидимка Лунга оказался достойным противником в словесных дуэлях. Но с другой стороны, чему я удивляюсь. Он же Плутарх.

Но он не Римский. И от разочарования хочется кричать.

И всё же, когда мы покинули подземку и неторопливо пошли по вечернему бульвару – продрогшему от долгого дождя, пустынному, таинственному, – я впервые за очень долгое время почувствовала себя умиротворённой. Ведь по большому счёту ничего страшного не случилось. Всё поправимо. Просто осенью нам не хватает солнца, а кажется, что – счастья. И каждый день, каким бы он ни был трудным, закончится. Каждый кошмарный сон. А мы никуда не денемся. Будем идти, не чувствуя, как подошвы отталкиваются от асфальта. Не помня о том, что это настоящее чудо – идти. Идти, видеть, слышать, говорить, быть. Путешествовать. В одиночестве или с кем-то. Лучше – с кем-то.

Заккрыть все вкладки.

Ок.

Пуск. Выключение.

Ок.

Завершение работы.

Ок.

Пожалуйста, не выключайте компьютер. Выполняется установка обновлений.

Бегущая вдаль:

Наша первая и основная задача – научить. Научить ребёнка ходить, говорить, самостоятельно есть, одеваться, мыться и так далее. Преподать уроки вежливости, ответственности, честности, трудолюбия. Мы только и занимаемся тем, что на-таскиваем ребёнка, словно готовим его к некой миссии. А когда он переходит в лагерь взрослых, учебный курс заканчивается, и мы становимся... кем?

Думали ли мы о том, что на самом деле ребёнок всему учится сам? Сам, без нас, он встаёт на ноги, делает первый шаг, произносит первое слово, хватается за ложку. Да, мы помогаем, но главные в этих процессах – не мы. Наша задача – быть не учителем, а наглядным пособием. Примером и утешением, как бы ба-

нально это ни звучало. Быть опорой. И если мы это сумеем, наш повзрослевший, уже самостоятельный ребёнок не превратится в бывшего ученика. Он останется тем, кем был всегда, – другом.

Стоящая на краю:

Какие проникновенные слова я прочла сегодня в блоге Бегущей вдаль, даже прослезилась. Давайте же возьмёмся за руки, чтобы петь хором о любви и спасти дельфинов!

Простите мой сарказм. Но именно в любовь всё и упирается. Мы это нормально не умеем, потому что наши родители не умеют, потому что их родители не умели. Понимаете? Конечно, есть счастливые исключения, и лично мне очень повезло, но я в <меньшинстве.>

Быть примером и утешением – тяжёлый труд, когда ты сам несвободный и забитый.

И ещё момент. А если взросление никогда не заканчивается, сколько бы лет тебе ни было? Что тогда? Я, например, считаю, что взросление бесконечно. Поэтому позиция «взрослый – ребёнок» ошибочна изначально, и я продолжаю настаивать на позиции «человек – человек».

Бегущая вдаль:

Согласна с позицией «человек – человек». По сути, это единственно правильный подход. Но всё же без оговорок не обойтись.

Стоящая на краю:

Обязательно усложнять?

Милена:

Конечно обязательно. В первую очередь необходимо учитывать возраст ребёнка. У малыша одни потребности и особенности развития, у подростка – совсем другие. Родитель несёт огромную ответственность, поэтому не может всё пускать на самотёк. Жёсткий контроль очень важен.

ККК:

Вы сами себя слышите? «Потребности и особенности развития» – будто не о человеке говорите, а о каком-то подопытном животном.

Колибри:

А что вам не нравится? Это общепринятая терминология!

ККК:

Вот именно! Жёсткий контроль. Очень удобно, любое насилие можно оправдать необходимостью контроля, да ещё жёсткого. Здесь обычно говорят об условных добрых-пушистых взрослых, но как быть с другими? С теми, кто самоутверждается за счёт детей? Неудобная тема, правда? Но, может, обсудим?

Сталкер:

Крупская, лови ссылки на кризисные центры и горячие линии.

Плутарх:

Полина, ты в субботу свободна?

Плутарх:

Простите. Не туда отправил.

Ариэлька:

Ахахахахаха!

Обновления успешно установлены.

Выключение.

